

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
НИЛ ГЕЙМАН

ДОБРЫЕ
ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Альтернативный перевод

fanzon

Добрые предзнаменования

Нил Гейман

Добрые предзнаменования

«ЭКСМО»

1990

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Гейман Н.

Добрые предзнаменования / Н. Гейман — «Эксмо»,
1990 — (Добрые предзнаменования)

ISBN 978-5-04-109092-0

Апокалипсис. Он же Армагеддон. Он же конец света. Последняя схватка между силами Добра и Зла, решающая битва всего хорошего против всего плохого. Отделение агнцев от козлищ, зерен от плевел и т. п. Согласно пророческой книге «Добрые Предзнаменования Агнессы Псих, ведьмы», начнется в эту субботу, после обеда. Присутствие ребенка-Антихриста обязательно. Шедевр юмористического фэнтези сэра Терри Прагчетта и Нила Геймана в серии «Большая Фантастика». Перевод Вадима Филиппова впервые издается официально.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-109092-0

© Гейман Н., 1990
© Эксмо, 1990

Содержание

Добрые предзнаменования	10
В начале было	10
Добрые предзнаменования	12
Одиннадцать лет назад	14
Среда	49
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Терри Пратчетт, Нил Гейман
Добрые предзнаменования.
Прекрасные и Точные Пророчества
Агнессы Псих, ведьмы

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ НИЛ ГЕЙМАН

ДОБРЫЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Альтернативный перевод

fan_zon

Апокалипсис. Он же Армагеддон. Он же конец света. Последняя схватка между силами Добра и Зла, решающая битва всего хорошего против всего плохого. Отделение агнцев от козлиц, зерен от плевел и т. п. Согласно пророческой книге «Добрые Предзнаменования Агнессы Псих, ведьмы», начнется в эту субботу, после обеда. Присутствие ребенка-Антихриста обязательно...

Terry Pratchett & Neil Gaiman

GOOD OMENS

The Nice and Accurate Prophecies of Agnes Nutter, Witch

Copyright © 1990 by Neil Gaiman and Terry Pratchett.

Foreword and new material copyright © 2006 by Neil Gaiman and Terry Pratchett.

This edition published by arrangement with Writers House and Synopsis Literary Agency

Cover © by Paul Kidby 2019

GOOD OMENS is a registered trade mark of Neil Gaiman/Dunmanifestin Ltd.

Good Omens logo designed by Paul Kidby.

Good Omens logo © and ™ Dunmanifestin Ltd/Neil Gaiman.

Dunmanifestin Ltd owns the intellectual property rights of the late Sir Terry Pratchett.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ
НИЛ ГЕЙМАН

ДОБРЫЕ
ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Прекрасные и Точные Пророчества
Агнессы Псих, ведьмы

fanzon
МОСКВА 2020

© Филиппов В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предупреждение

Дети! Устраивать Армагеддон может быть опасно.

Не пытайтесь повторять это дома.

Посвящение

Авторы присоединяются к мнению демона Кроули и посвящают роман памяти Г. К. ЧЕСТЕРТОНА – человека, который понимал, что происходит.

Люди спрашивают: каково было писать «Добрые предзнаменования»?

А мы отвечаем: мы были (да и остаемся) обычными людьми. Это была просто летняя подработка. Мы повеселились, поделили гонорар пополам и поклялись больше никогда так не делать. Мы не думали, что книга может быть так важна.

И в некотором смысле до сих пор так не думаем. «Добрые предзнаменования» написали два человека, о которых в то время не слышал никто, кроме узкого круга уже знакомых лиц. Авторы даже не знали, продается ли их творение. Кто бы мог подумать, что эту книгу будут латать и чинить чаще, чем любую другую? (Уж поверьте: мы подписали немереное количество

экземпляров, упавших в ванну, ставших подозрительно коричневого цвета, заклеенных скотчем и перевязанных веревками, а однажды нам принесли развалившуюся на отдельные страницы книгу в целлофановом пакете. Впрочем, у одного из читателей книга лежала в специальной коробочке из орехового дерева, отделанной внутри черным бархатом. На крышке были серебряные руны. Мы решили не задавать вопросов.) Кстати, совет: нет ничего страшного (до известной степени) в том, чтобы просить авторов расписаться на вашей руке, однако не стоит потом бежать в тату-салон по соседству и, вернувшись спустя полчаса, демонстрировать воспаленный результат.

Мы не представляли, что будем разъезжать по автограф-сессиям, которые покажутся странными даже на наш неприхотливый взгляд; что наши пятнадцатисекундные разговоры про юмор будут чередоваться с жуткими сообщениями о захвате заложников в местном «Бургер Кинге»; что в Нью-Йорке у нас будет брать интервью неподготовленный радиоведущий, которому не сообщили, что «Добрые предзнаменования» – это книга, которую в среде писателей называют «художественной литературой», и что перед эфиром нам строго-настрога запретят ругаться, потому что, видите ли, «мы, англичане, все время выражаемся нецензурно».

На самом деле мы никогда много не ругались, тем более на радио. Но весь следующий час мы машинально говорили очень короткими, тщательно взвешенными фразами, стараясь не встречаться при этом глазами.

А еще были читатели, благослови их бог. Мы, наверное, уже подписали им сотни тысяч экземпляров, частенько зачитанных до почти полной дезинтеграции. Если и попадалась новенькая книжка, то только потому, что предыдущие пять копий были утащены друзьями, сгорели от удара молнии или стали кормом для огромных термитов из Суматры. Мы вас предупредили! Да, и кажется, один экземпляр нашей книги есть в Ватиканской библиотеке. По крайней мере, хотелось бы так думать.

Было весело. И веселье продолжается.

Добрые предзнаменования

В начале было

Доброе утро.

Оно было добрым, как и все до него. Дней прошло уже намного больше семи, но дождь еще не изобрели. Однако облака, собиравшиеся в небе к востоку от Эдема, предвещали, что недалеко уже первая гроза и что разыграется она не на шутку.

Ангел Восточных Врат поднял над головой крыло, чтобы укрыться от редких капель.

– Прошу прощения, – вежливо сказал он. – Ты о чем?

– Я же сказал: жуткий облом. Хуже некуда, – отозвался змей.

– А... ну да, – сказал ангел, имя которому было Азирафель.

– Честно говоря, я бы назвал это чрезмерно болезненной реакцией, – сказал змей. – То есть на первый раз можно было бы... и все такое. И в любом случае не понимаю, что плохого в том, чтобы знать добро и зло?

– *Должно* быть что-то плохое, – рассудительно сказал Азирафель. По тону его, однако, было понятно, что он тоже этого не понимает и это вызывает у него некоторое беспокойство. – Иначе ты не был бы в этом замешан.

– Мне просто сказали: дуй наверх и устрой им неприятность, – ответил змей. Его имя было длинным и извилистым, и, на его взгляд, чересчур *рептильным*, так что он все равно собирался его сменить.

– Ну так ты же демон. Не уверен, что ты вообще способен творить добро, – сказал Азирафель. – Это в твоей, видишь ли, природе. Не хочу тебя обидеть, но ты понимаешь.

– Ты не можешь отрицать, что в чем-то это смахивает на фарс, – сказал змей. – То есть сначала показать на Дерево, а потом повесить огромную вывеску «НЕ ТРОГАТЬ!». Как тонко, а? Что стоило поместить его, к примеру, на самой вершине большой горы или еще где-нибудь подальше? Остается только гадать, чего Он действительно добивается.

– На самом деле лучше и не гадать, – сказал Азирафель. – Невозможно строить предположения о том, что невыразимо в принципе, я так считаю. Есть Добро, и есть Зло. Если тебе хотят Добра, а ты противишься, ты заслуживаешь наказания. М-да...

Они сидели молча, теряясь в догадках, и смотрели, как капли дождя тяжело падают на цветы.

Вдруг змей сказал:

– У тебя вроде бы был огненный меч.

– Ну... – сказал ангел. По лицу его мелькнула виноватая тень, исчезла, вернулась и расположилась на постой.

– Был, так ведь? – продолжал демон. – Сверкал, ярче некуда.

– Ну, в общем...

– Внушительный был вид, помнится.

– Ну да, но...

– Потерял?

– Да нет! Не то чтобы потерял, скорее...

– Скорее?..

На Азирафеля жалко было смотреть.

– Уж если ты так хочешь знать, – сказал он, и в голосе его появилось раздражение, – я его подарил.

Демон изумленно уставился на него.

– Не мог не подарить, – ангел смутился и нервно потер руки. – Когда увидел, как им холодно, бедняжкам, а она *уже* в положении, а там всякие жуткие звери, и гроза надвигается... ну, я и подумал, особой беды не будет, и сказал: слушайте, если вы сюда вернетесь, то будет скандал до небес, но вам может пригодиться этот меч, ну так вот он, нет-нет, не благодарите, так всем будет лучше, и да не зайдет над вами солнце.

Он заискивающе улыбнулся.

– Так ведь правда лучше, а?

– Не уверен, что ты вообще способен творить зло, – саркастически заметил змей. Азирафель не заметил сарказма.

– Надеюсь, – сказал он. – Правда, надеюсь. Весь вечер только об этом и думаю.

Они смотрели на струи дождя.

– Но что смешно, – сказал змей через некоторое время, – у меня тоже есть сомнения насчет яблока. А вдруг это был добрый поступок? Демон может попасть в очень неприятную историю, если сотворит добро. – Он толкнул ангела в бок. – Забавно, да, как нас угораздило? Забавно, если я сотворил добро, а ты – зло, а?

– Ничуть, – сказал Азирафель.

Змей смотрел, как падают капли.

– Нет, – сказал он по здравом размышлении. – Наверное, нет.

Эдем покрылся тяжелой черной завесой. В горах громыхал гром. Звери, которым только что дали имена, дрожали под холодными каплями.

Иногда далеко внизу, меж мокрых крон, виднелись яркие резкие вспышки.

Ночь обещала быть темной и ненастной.

Добрые предзнаменования

Некоторые События, что произошли в последние одиннадцать лет истории рода человеческого, изложенные в полном соответствии с книгой

«Прекрасные и Точные Пророчества» Агнессы Псих,

составленные и отредактированные, с Примечаниями Поучительного Рода и Мудрыми Наставлениями, Нилом Гейманом и Терри Праггеттом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩНОСТИ

Бог – *Господь*

Метатрон – *Глас Божий*

Азирафель – *Ангел, по совместительству букинист*

Сатана – *Падший Ангел, Враг Рода Человеческого*

Вельзевул – *Тот же Падший Ангел, Князь Ада*

Хастур – *Падший Ангел, Великий Князь Ада*

Лигур – *Опять же Падший Ангел, Великий Князь Ада*

Кроули – *Ангел, не то чтобы Падший, а скорее Тихонечко Спустившийся*

ВСАДНИКИ АПОКАЛИПСИСА

СМЕРТЬ – *Смерть*

Война – *Война*

Голод – *Голод*

Загрязнение – *Загрязнение*

ЛЮДИ

Не-Прелюбодействуй Импульсифер – *Ведьмознатец*

Агнесса Псих – *Пророчица*

Ньютон Импульсифер – *Бухгалтер, Армии Ведьмознатцев рядовой*

Анафема Деталь – *Практикующая Оккультистка, Профессиональный Потомок*

Шэдуэлл – *Армии Ведьмознатцев сержант*

Мадам Трейси – *Дщерь Иезавели¹ и Медиум*

Сестра Мэри Говорлива – *Черная Монахиня Сатанински Болтливого Ордена Св. Бериллы*

Мистер Янг – *Отец*

Мистер Тайлер – *Председатель Объединения жителей Нижнего Тэдфилда*

Курьер

---

¹ Только утром в четверг по предварительной договоренности.

ЭТИ

Адам – *Антихрист*

Язва – *Девочка*

Уэнслидейл – *Мальчик*

Брайан – *Мальчик*

Хор Тибетцев, Инопланетян, Американцев, Атлантян и прочих редких и странных Созданий Последних Дней.

А ТАКЖЕ:

Бобик – *Исчадие Ада, Гроза Кошек*

Одиннадцать лет назад

Современные теории о происхождении Вселенной утверждают, что если она и была создана, а не зародилась сама по себе, так сказать, без разрешения, то начала существовать от десяти до двадцати миллионов лет назад. По тем же выкладкам получается, что Земле около четырех с половиной тысяч миллионов лет.

Это ошибка.

Средневековые каббалисты считали датой творения 3760 год до Рождества Христова. Православные теологи относили ее в прошлое еще дальше, в 5508 год до Р. Х.

И это тоже ошибка.

Архиепископ Иаков Ашер (1580–1656) в 1654 году опубликовал труд *Annales Veteris et Novi Testamentis*, в котором предположил, что небо и Земля были созданы в 4004 году до Р. Х. Один из его учеников продолжил расчеты и, преуспев в них, заявил, что Земля была создана в воскресенье, 21 октября 4004 году до Р. Х., ровно в девять утра, поскольку Господь любит заканчивать дела пораньше, пока у него бодрое и приподнятое настроение.

И он тоже ошибался. Почти на четверть часа.

Все доводы насчет окаменевших скелетов динозавров – просто розыгрыш, который еще не раскусили палеонтологи.

Отсюда следует, что:

Во-первых, поступки Бога чрезвычайно необъяснимы, если не сказать «прихотливы». Не в кости играет Бог со Вселенной; он играет в неопишимо сложную игру, которую сам и придумал. С точки зрения всех прочих игроков (то есть просто – всех), это все равно что играть в крайне запутанную разновидность покера при неограниченных ставках в абсолютно темной комнате перевернутыми картами, причем с крупье, который не объяснил вам правил и все время загадочно улыбается.

Во-вторых, знак Земли – Весы.

Астрологический прогноз для Весов в «Колонке астролога» ежедневного «Глашатая Тэд-филда» на тот день, в который начинается наша история, выглядел следующим образом:

ВЕСЫ. 24 сентября – 23 октября.

Возможно, вы испытаете упадок сил и ощущение рутинности повседневных дел, которые, однако, требуют вашего самого пристального внимания. Это относится и к вашей семье, и к вашему дому. Лучше отложить важные решения до полной ясности. Сегодня возможны небольшие проблемы с желудком, поэтому старайтесь не злоупотреблять салатами. Помощь может прийти, откуда вы ее совсем не ждете.

И все это, до последнего пункта, оказалось правдой, за исключением упоминания о салатах.

* * *

Ночь не была темной и ненастной.

Должна была быть, но чего вы хотите от погоды? На каждого ученого маньяка, который радуется грозе, удачно случившейся как раз в ту ночь, когда Труд Всей Его Жизни закончен и выложен на операционный стол, приходится десятки тех, кто в унынии наблюдает, как в мирном свете звезд ассистент по имени Игорь подсчитывает свои свехурочные.

Но пусть туман (который позднее сменится дождем, а температура понизится до плюс семи) не обманывает вас, внушая ложное чувство безопасности. То, что эта ночь не выдалась

ненастной, еще не означает, что темные силы носа не показывают на улицу. Еще как показывают. Они *повсюду*.

Всегда. В этом все и дело.

Две темные силы таились на заброшенном кладбище. Две тени, одна приземистая и сгорбленная, другая зловеще сухопарая. Обе были мастерами таиться, мастерами поистине олимпийского класса. Если бы Брюс Спрингстин когда-нибудь записал альбом «Рожденный таиться», эти двое были бы на обложке. Они таились в тумане уже почти час, но сдерживали себя и вполне могли бы, если надо, таиться до самого утра, чтобы вдруг зловеще затаиться с новой силой как раз перед рассветом.

Наконец еще через двадцать минут один из них сказал:

– Да чтоб его, в самом деле. Он уже *давно* должен был быть здесь.

Того, кто это сказал, звали Хастур. Он был одним из Великих Князей Ада.

* * *

Многие явления – войны, эпидемии, внеплановые проверки налоговой инспекции – считаются доказательствами неявного вмешательства Сатаны в дела человеческие. Но стоит только специалистам в области демонологии собраться вместе, как они единогласно признают, что Лондонская кольцевая автодорога М25 с полным правом претендует на звание Доказательства № 1.

И они, разумеется, ошибаются, но только когда предполагают, что эта мерзкая трасса – воплощение зла просто потому, что на ней ежедневно случается огромное количество смертей, увечий и нервных срывов.

На самом деле очень и очень немногие из обитателей этой планеты знают, что трасса М25, огибая Лондон, образует знак «одегра», который на языке Черных Жрецов древней цивилизации Му означает «Слава Великому Зверю, Пожирателю Миров». Тысячи водителей, которые день за днем копят небо, продвигаясь по змееподобным извилям Лондонской кольцевой дороги, подобны воде, падающей на лопасти буддистских молельных колес, только с противоположным знаком: они непрерывно вырабатывают зло самого низкого качества, отравляя метафизическую атмосферу на десятки миль вокруг.

Лондонская кольцевая дорога была одним из главных достижений Кроули. На ее создание понадобились годы, а также три атаки хакеров, два грабежа со взломом и взятка (не особенно крупная). Затем, в одну промозглую ночь, когда все эти меры ни к чему не привели, Кроули пришлось еще два часа хлюпать по колену в грязи в поле – он вносил в разметку топографов незаметные, но невероятно значимые с оккультной точки зрения исправления. Зато потом, когда Кроули увидел на М25 первую пробку, растянувшуюся на полсотни километров, он испытал приятное теплое ощущение удовлетворения от отвратительно выполненной работы.

За это ему объявили благодарность.

В данный момент он ехал на скорости больше 170 км/ч где-то к западу от Слау. Ничто в нем не выдавало демона, во всяком случае, по классическим меркам. У него не было ни рогов, ни крыльев, и, хотя в машине у него и играла кассета с лучшими песнями «Queen», не стоит делать из этого никаких конкретных выводов, поскольку любая кассета, оставленная в машине больше чем на две недели, претерпевает некую метаморфозу и превращается в «Лучшие песни “Queen”». В голове у Кроули тоже не было никаких особенно демонических мыслей. И именно в данный момент он всего-навсего чувствовал неясный интерес к тому, что же это за «скоро муж», воспеваемый в «Богемской рапсодии».

Что до внешности, Кроули был темноволос, скуласт и обут в туфли из змеиной кожи. То есть, *кажется*, это были туфли. А то, что он мог выделять языком, просто умопомрачительно. И когда он забывался, в его речи временами слышалось шипение.

А еще он редко моргал.

Машина, за рулем которой он сидел – черный «Бентли» 1926 года выпуска, – была почти новой. Кроули купил машину подержанной, но до этого у нее был всего один владелец, а именно – Кроули. Он об этом позаботился.

Он опаздывал потому, что ему страшно нравился двадцатый век. Он был намного лучше века семнадцатого и неизмеримо лучше четырнадцатого. Время, любил говорить Кроули, хорошо уже тем, что медленно, но неуклонно уносит его все дальше и дальше от четырнадцатого века, самого наискуднейшего столетия во всей истории Божьего, извините за выражение, мира. Зато уж двадцатый век скучным точно не был. Более того, синие вспышки полицейской мигалки, которые отражались в зеркале заднего вида последние пятьдесят секунд, давали Кроули основание предполагать, что те, кто за ним гонится, намереваются сделать двадцатый век еще менее скучным.

Он взглянул на часы. Эта модель была разработана специально для богачей-аквалангистов, которым нравится знать, который сейчас час в двадцати одном мегаполисе мира в тот момент, когда они погружаются в глубины океана².

«Бентли» с ревом выскочил с трассы, свернул за угол на двух колесах и ринулся вглубь леса по проселочной дороге. Мигалка не отставала.

Кроули вздохнул, снял руку с руля и, взглянув назад, покрутил пальцами над плечом в замысловатом жесте.

Огни мигалки быстро исчезли вдали, поскольку полицейская машина остановилась сама собой, к изумлению патрульных. Это, однако, лишь цветочки по сравнению с тем изумлением, которое охватит их в тот момент, когда они откроют капот и увидят, во что превратился мотор.

* * *

Хастур, демон повыше, протянул недокуренную самокрутку Лигуру, который был пониже и умел таиться искуснее.

– Вижу свет, – сказал он. – Вон он едет, пижон.

– В чем это он? – спросил Лигур.

– Это называется «автомобиль». Машина. Безлошадная повозка, – объяснил Хастур. – Сдается мне, когда ты был здесь последний раз, их еще не было. Во всяком случае, не у всех и каждого.

– А... впереди еще шел человек с красным флагом, – сказал Лигур.

– Ну так они, похоже, добились кой-каких успехов.

– Что он за тип, этот Кроули? – спросил Лигур.

Хастур сплюнул.

– Слишком долго был тут, наверху, – сказал он. – С самого Начала. Я лично считаю, совсем отуземился. Ездит в машине с телефоном.

Лигур попытался представить себе это. Большинство демонов, и он в их числе, имеют крайне ограниченное представление о высоких технологиях, и он только-только собирался сказать, что на это же должна уходить уйма провода, когда «Бентли» остановился у кладбищенских ворот.

---

² Конкретно эта модель была сделана для Кроули по спецзаказу. Производство единственной микросхемы на заказ обходится невероятно дорого, но он мог себе это позволить. Его часы показывали время в двадцати крупнейших городах мира и еще в одном главном городе, в *Другом Месте*, где всегда было одно и то же время, а именно: *Слишком Поздно*.

– Смотри, очки темные нацепил, – в голосе Хастура слышалась явная издевка, – словно они ему так уж нужны. Слава Сатане! – добавил он, уже громче.

– Слава Сатане! – отозвался Лигур.

– Привет, – сказал Кроули, и помахал им рукой. – Извините, что опоздал, но вы же знаете, что такое ехать по А40 у Дэнема, а потом я попытался срезать и свернул к Чорли Вуд, ну и...

– И теперь, собравшись здесь в день сей, – многозначительно начал Хастур, – мы должны поведать друг другу о Делах наших.

– Ну да. О делах, – сказал Кроули, и на лице у него появилось слегка виноватое выражение – как у того, кто впервые за много лет зашел в церковь и забыл, когда именно следует креститься.

Хастур откашлялся.

– Я искушал священника, – сказал он. – Он шел по улице и взглянул на загорающих красоток, и я вложил в его мысли Сомнение. Он стал бы святым, но лет через десять он будет наш.

– Неплохо, – ободряюще кивнул Кроули.

– Я совратил политика, – сказал Лигур. – И он убедил себя, что от крошечной взятки вреда не будет. Не пройдет и года, и он – наш.

И оба в ожидании уставились на Кроули, который широко улыбнулся.

– Вам понравится, – сказал он.

И улыбнулся еще более широкой улыбкой отъявленного заговорщика.

– Я перепутал номера *всех* сотовых телефонов в центре Лондона на сорок пять минут во время обеда, – сказал он.

Стало тихо, только вдали слышался шум машин.

– Ну? – спросил Хастур. – А дальше что?

– Вы что думаете – это так просто?! – изумился Кроули.

– Это все? – уточнил Лигур.

– Слушайте, ребята...

– Так каким именно образом это привело заблудшие души в сети Владыки? – уточнил Хастур.

Кроули взял себя в руки.

Что он мог ответить? Что двадцать тысяч человек были вне себя от ярости? Что прямо-таки физически ощущалось, как туго, до срыва, натянуты нервы у горожан? И что потом они принялись изливать свой гнев на секретарш или регулировщиков, а те, в свою очередь, – на кого-то еще? До самой ночи, тысячами разных способов, и – что было особенно замечательно – *они придумывали эти способы сами*. Эффект от такой раскачки просто невозможно рассчитать. Тысячи и тысячи душ запятали сами себя, потеряли привычный блеск – а ты, можно сказать, палец о палец не ударил.

Но демонам вроде Хастура и Лигура это говорить бесполезно. Кругозор на уровне четырнадцатого века почти у всех. Годы за обработкой единственной души. Наверное, это *высокое искусство*, но в наши дни надо смотреть на вещи по-другому. Не вглубь, а вширь. В мире пять миллиардов человек, и отщипывать уродов по одному уже не приходится: надо расширять производство. Однако демонам вроде Лигура и Хастура этого не понять. Они бы никогда не придумали телеканал на валлийском языке. Или налог на добавленную стоимость. Или Манчестер.

Манчестер вызывал у него особенную гордость.

– Силы Сущие вроде были удовлетворены, – сказал он. – Времена меняются. Так в чем дело?

Хастур вытащил из-за надгробия небольшую корзинку.

– В этом, – сказал он.

Кроули уставился на корзинку.

- О нет, – сказал он.
- О да, – ухмыльнулся Хастур.
- *Уже?*
- Да.
- И что, я должен вроде как?..
- Да. – Хастур просто наслаждался своей ролью.
- Почему я? – в отчаянии спросил Кроули. – Хастур, ты же знаешь, это, так сказать, не мое амплуа...
- Твое, твоё, – ответил Хастур. – Твой звездный час. Главная роль. Бери. Времена меняются.
- Угу, – осклабился Лигур. – Недолго им осталось. Временам.
- Но почему я?
- Видимо, кто-то сильно тебя любит, – злорадно сказал Хастур. – Вот Лигур, думаю, руку бы отдал за такой шанс.
- Точно, – заметил Лигур. Чью-нибудь, добавил он про себя. Вокруг хватает рук. Какой смысл расставаться со своей?
- Хастур вытащил из глубин своего плаща потрепанный блокнот.
- Распишись. Здесь, – сказал он, сделав чудовищную паузу между словами.
- Кроули рассеянно вытащил ручку из внутреннего кармана. Она была тонкая, матово-черная и выглядела так, словно запросто могла превысить любой установленный предел скорости.
- Ничего так ручечка, – сказал Лигур.
- Ею можно писать под водой, – заметил Кроули.
- Чего только не придумают, – вздохнул Лигур.
- Если не поторопятся, то ничего, – сказал Хастур. – Нет. Не Кроули. *Настоящее* имя.
- Кроули трагически вздохнул и вывел на бумаге сложный извивающийся знак, который на мгновение тускло засветился красным во мраке кладбища и тут же погас.
- Так что мне с этим делать? – спросил он.
- Получишь инструкции, – огрызнулся Хастур. – Чего ты беспокоишься? Столько веков работы, и вот, наконец, то, чего мы ждали.
- Да. Точно, – сказал Кроули.
- В его внешности не осталось и следа той ловкости, с которой он выскочил из «Бентли» пару минут назад. Зато появилась некоторая затравленность.
- Нас ждет момент вечного триумфа!
- Момент. Вечного. Именно, – сказал Кроули.
- И посредством тебя свершится это славное деяние!
- Посредством. Вот-вот, – пробормотал Кроули.
- Он поднял корзинку так осторожно, словно она могла взорваться. В определенном смысле через некоторое время именно это она и сделает.
- Ну, ладно, – сказал он. – Тогда, значит, я поехал. Ага? И покончим с этим. Не то чтобы я *хотел* покончить с этим, – поспешно добавил он, представив себе, что может случиться, если Хастур в своем отчете не даст о нем положительного отзыва. – Ну, вы же меня знаете. Легко увлекаюсь.
- Старшие по званию демоны молчали.
- Ну, так и разбежались, – бормотал Кроули. – Увидимся, ребята... вот... отлично. *Арри-ведерчи.*
- Когда «Бентли» юзом ушел в темноту, Лигур спросил:
- Чего это он?
- Это вроде по-итальянски, – ответил Хастур. – Еда какая-нибудь.

– Смешно, – Лигур уставился вслед удаляющейся машине. – Ты ему доверяешь? – спросил он.

– Нет, – сказал Хастур.

– Правильно, – сказал Лигур. Хорошо был бы этот мир, подумал он, если бы демоны начали доверять друг другу.

* * *

Кроули, прокалывая своим «Бентли» ночь где-то к западу от Эмершема, схватил наудачу кассету и вытряхнул ее из хрупкой пластиковой коробочки, стараясь не рухнуть при этом в кювет.

В свете фар он разглядел надпись на кассете: «Времена года» Вивальди. Именно то, что нужно, – легкая, спокойная музыка.

Он вставил кассету в магнитола «Blaupunkt» и нажал на кнопку.

– Ой-ей-ей-ей-ей-ей. Ну почему именно теперь? Почему именно я? – пробормотал он, а из динамиков рванулись на волю знакомые пассажи «Queen».

И вдруг Фредди Меркьюри обратился прямо к нему:

ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЗАСЛУЖИЛ ЭТО, КРОУЛИ.

Кроули мысленно благословил магнитофон. Идею использовать электронику как средство коммуникации высказал он сам. В Преисподней, как ни странно, одобрили его предложение, но, чего и следовало ожидать, получилось как всегда. Он-то надеялся, что сможет убедить их подключиться к «Бритиш Телеком» и закупить сотовые телефоны, но вместо этого они просто влезали в середину любой песни, которую он слушал в данный момент, и заменяли слова.

Кроули откашлялся.

– Спасибо большое, Повелитель, – сказал он.

МЫ ВЕРИМ В ТЕБЯ, КРОУЛИ.

– Спасибо, Повелитель.

ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО, КРОУЛИ.

– Я знаю, знаю.

ВСЕ ЭТО НЕ ПРОСТО ТАК, КРОУЛИ.

– Я не подведу тебя, Повелитель.

ВЕДЬ МЫ ДЕЛАЕМ БОЛЬШОЕ ДЕЛО, КРОУЛИ, И ЕСЛИ ОНО СОРВЕТСЯ, ВСЕ ВИНОВНЫЕ БУДУТ СТРАШНО НАКАЗАНЫ. ДАЖЕ ТЫ, КРОУЛИ. ОСОБЕННО ТЫ!

– Ясно, Повелитель.

ДЕЙСТВУЙ ПО ИНСТРУКЦИЯМ, КРОУЛИ.

И вдруг он все понял. Вот этого он терпеть не мог. Можно же было словами сказать, а не грузить голые данные прямо в голову. Он должен был ехать в больницу.

– Нет проблем, через пять минут я там, Повелитель.

ОТЛИЧНО.

И без всякого перехода Фредди снова затянул, как «скоро муж» пляшет фанданго.

Кроули ударил кулаком по рулю. Все так хорошо шло в последние века, все налажено, все под контролем. Вот так и бывает – стоит впасть в эйфорию от собственных успехов, как тебя из-за угла бьют Армагеддоном по голове. Великий Бой, Последняя Битва. Рай в синем углу, Ад в красном, три раунда, Падение считается поражением, проигрыш по очкам не допускается. И все тут. Конец света. То есть – конец *мира*. Нет больше мира. Один бескрайний Рай. Или, смотря кто победил, Ад. Кроули не знал, что хуже.

Нет, Ад, разумеется, был хуже по определению. Но Кроули помнил, на что был похож Рай. Его многое роднило с Преисподней. Для начала ни там ни тут не достать хорошей выпивки. А скука, царившая в Раю, была ничем не лучше адского возбуждения.

Но деваться некуда. Невозможно быть демоном и в то же время обладать свободой воли. – *Не отпущу его (ОТПУСТИ!)* – завывал Меркьюри.

Ну, по крайней мере, все это случится не в этом году. Будет время разобраться с делами. Для начала, с государственными облигациями...

Интересно, думал он, а что бы случилось, если бы он просто остановил сейчас машину, прямо на пустой, темной, сырой дороге, взял бы эту корзинку, раскрутил бы хорошенько и бросил бы, и...

Наверняка что-то ужасное.

Когда-то он был ангелом. И у него и мысли не было о каком-то там Падении. Он просто связался с дурной компанией.

«Бентли» летел сквозь тьму. Счетчик бензина показывал «ноль», уже как минимум лет пятьдесят. Не так уж плохо быть демоном. К примеру, не надо покупать бензин. Кроули покупал его единственный раз, в 1967 году, чтобы получить в подарок переводилки на ветровое стекло: дыры от пуль, как у Бонда. В то время ему страшно нравился Джеймс Бонд.

Что-то зашевелилось в корзинке на заднем сиденье, и послышался плач: сиреноподобное рыдание новорожденного. Пронзительное. Бессловесное. Древнее.

* * *

Неплохая больница, подумал мистер Янг. Тихое, спокойное место – было бы, если бы не монашки.

Монашки ему, в общем, нравились. Не то чтобы они его возбуждали, или о чем вы там подумали. Не в этом смысле. Он считал, что если уж не ходить в церковь, так в церковь Св. Цесилия и Всех Ангелов, добротную англиканскую церковь, и ему в голову бы не пришло не ходить в храм какой-нибудь иной разновидности христианства. Во всех других было что-то не то: дурной запах мастики для паркета (у баптистов) или довольно подозрительный аромат ладана (у католиков). И когда дух мистера Янга предавался праздным размышлениям в мягком кресле после сытного обеда, он начинал подозревать, что и у Господа это тоже вызывает некоторое недовольство.

Однако ему нравилось видеть монашек на улице примерно так же, как ему нравилось наблюдать за очередной благотворительной акцией Армии Спасения. В такие моменты всегда возникает ощущение, что все идет *как надо*, что в мире еще остались люди, благодаря которым Земля, собственно, пока не перестала вращаться.

Однако с Болтливим Орденом Св. Бериллы³ он столкнулся впервые.

Дейдра познакомилась с берильянками, когда ездила в очередную командировку из числа тех, где ей приходилось встречаться с множеством весьма неприятных латиноамериканцев, сражавшихся с другими не менее неприятными латиноамериканцами, а священники науськивали одних на других, вместо того чтобы заняться тем, чем следует заниматься священникам – составлять график дежурств по церкви, к примеру.

---

³ Святая внятномученица Берилла Краковская, предположительно принявшая мученическую смерть в середине пятого века. Согласно легенде, эту юную деву вопреки ее воле выдали замуж за язычника, принца Казимира. Перед первой брачной ночью она взмолилась Господу, чтобы тот вмешался, и смутно рассчитывала на чудесное появление у нее бороды. Более того, она уже приготовила изящную бритву с ручкой из слоновой кости, в женском исполнении, именно на этот случай; вместо этого Господь даровал Берилле чудесную способность непрерывно болтать по любому пришедшему ей на ум поводу, равно важному или нет, без перерывов на то, чтобы вздохнуть или вкусить пищи телесной. По одной версии этой легенды, принц Казимир задушил Бериллу через три недели после свадьбы, еще до формальной консумации их брака. Она девственницей приняла мученическую смерть, не переставая болтать до последнего вздоха. По другой версии этой легенды, Казимир купил себе пару затычек для ушей, и она умерла в своей постели, рядом с ним, в возрасте шестидесяти двух лет. Монашки ордена Св. Бериллы дают обет всегда следовать примеру св. Бериллы, за исключением вечеров по четвергам, когда им дозволено на полчаса заткнуться и, буде на то их желание, сыграть партию в пинг-понг.

Вообще говоря, у монашек должно быть тихо. У них такая форма, которая как нельзя лучше подходит для тишины – как у тех штук, что стоят в студиях звукозаписи (мистер Янг не знал точно, как они называются, но смутно помнил, что их всегда применяют при испытаниях новых аудиоцентров). Во всяком случае, постоянно болтать они не должны.

Он набил трубку табаком (Теперь это называют табаком! Он бы это табаком не назвал... Да, и табак уже не тот, что был раньше) и попытался чисто теоретически представить себе, что произойдет, если он остановит монашку и спросит ее, где здесь мужской туалет. Вполне возможно, папа римский пришлет буллу с резким осуждением, что-то вроде этого. Он неловко помялся на месте и взглянул на часы.

Одно хорошо: монашки весьма решительно возражали против его присутствия при родах. А вот Дейрдра настаивала на этом. Она снова *вычитала* эту идею. Она уже рожала один раз, а теперь вдруг ни с того ни с сего заявила, что совместные роды – самое радостное переживание, которое только могут разделить родители. Вот что получается, когда позволишь жене выписывать себе газеты. Мистер Янг не доверял газетам, в которых были рубрики под названием «Новый стиль» или «Право выбора».

Не то чтобы он возражал против радостных событий, которые можно с кем-нибудь разделить. Делиться радостью – почему бы нет? В мире, наверное, не хватает таких событий. Но на сей раз он весьма доходчиво объяснил, что конкретно в этом случае Дейдрра может радоваться и делиться в одиночку.

И монашки его поддержали. Они считали, что нет смысла привлекать отца к процессу рождения ребенка. Если подумать, рассуждал мистер Янг, они, наверное, считают, что отец вообще не должен иметь отношения к появлению детей.

Он примял так называемый табак в трубке большим пальцем и взглянул на аккуратную вывеску на стене, которая сообщала, что для его же блага ему следует воздержаться от курения. Для моего же блага, решил мистер Янг, лучше выйти и постоять на крыльце. Если, для моего же блага, там найдется укромное место в кустиках, тем лучше.

Пройдя несколько пустых коридоров, он нашел выход под дождь, во дворик, заставленный баками с праведным мусором.

Он поежился и сложил руки лодочкой, чтобы раскурить трубку.

Бывает так с женами после определенного возраста. Двадцать пять безупречных лет, и вдруг они срываются с катушек, начинают прыгать под музыку в розовых обрезанных чулках и упрекать тебя в том, что им никогда не приходилось зарабатывать на жизнь. То ли гормоны, то ли еще что.

Большой черный автомобиль начал тормозить перед входом, его занесло, но он резко затормозил перед баками. Молодой человек в черных очках выпрыгнул под дождь, держа в руках что-то вроде детской корзинки, и проскользнул к двери.

Мистер Янг вынул трубку изо рта.

– Вы забыли погасить фары, – напомнил он.

На лице молодого человека появилось недоуменное выражение, ясно показывающее, что фары в данный момент его заботят меньше всего. Он небрежно махнул рукой в сторону «Бентли». Фары потухли.

– Удобно, – заметил мистер Янг. – Автоматика?

Он был несколько удивлен тем, что водитель «Бентли» был абсолютно сух, несмотря на дождь. И что корзинка не была пустой.

– Уже началось? – спросил молодой человек.

Мистер Янг ощутил некоторую гордость, когда в нем безошибочно определили отца.

– Да, – ответил он. – Мне не позволили остаться, – в голосе его был оттенок благодарности.

– Уже? Как считаете, сколько у нас времени?

У нас, отметил мистер Янг. Несомненно, это врач, у которого есть свое мнение о совместных родах.

– Думаю, мы... э-э... уже продвинулись... – сказал он.

– В какой она комнате? – нетерпеливо спросил молодой человек.

– Мы в третьей, – ответил мистер Янг.

Он похлопал себя по карманам и нашел помятую пачку сигар, которую, согласно традиции, захватил с собой.

– Не хотите разделить со мной радостное событие, выкурив сигару? – спросил он.

Но молодой человек уже исчез.

Мистер Янг аккуратно спрятал сигары в карман и задумчиво уставился на трубку. Всегда они торопятся, эти врачи. Работают весь божий день.

* * *

Есть один фокус, для которого требуются три наперстка и шарик, за которым невозможно уследить. Сейчас произойдет что-то вроде этого, но ставки будут намного выше пригоршни мелочи.

Мы будем излагать события с замедлением, чтобы вы успели проследить за руками.

Миссис Дейрдра Янг в родильной палате номер три рождает златовласого мальчика, которого мы обозначим «Дитя А».

Жена американского атташе по культурным связям, миссис Харриет Даулинг, рождает златовласого мальчика, которого мы обозначим «Дитя Б».

Сестра Мэри Говорлива с рождения была благочестивой сатанисткой. В школе Шаббаш она получала только черные звезды за почерк и легкомысленность. Когда ей приказали стать монахиней Болтливого Ордена, она послушно подчинилась, поскольку от природы имела соответствующий талант. В любом случае она знала, что окажется среди друзей. Она стала бы вполне сообразительной девушкой, если бы ей представилась такая возможность. Однако она достаточно рано поняла, что легкомысленное отношение – как она это формулировала – сильно облегчает жизнь. В данный момент ей передают с рук на руки златовласое дитя мужского пола, которое мы обозначим «Враг Рода Человеческого, Низвергатель Царей, Ангел Преисподней, Великий Зверь, именуемый Дракон, Князь Мира, Отец Лжи, Отродье Сатаны и Повелитель Тьмы».

Следите за руками. *Кручу, верчу...*

– Это он? – спросила сестра Мэри, вглядываясь в личико ребенка. – А я думала, глазки у него будут интереснее. Красные или зелененькие. Или у него будут копытца, маленькие, уютюшенькие копытца. Или хвостик, хвостичек вертлявенький... – Не переставая болтать, она перевернула младенца. Рогов тоже не было. С виду дьяволово дитя было чудовищно нормальным.

– Да, это он, – сказал Кроули.

– Подумать только, у меня в руках Антихрист, – продолжала сестра Мэри. – И я его мою, и считаю ему уютюшенькие пальчики...

Теперь она обращалась к младенцу напрямую, полностью погрузившись в собственный недостижимый мир.

Кроули помахал рукой перед ее глазами.

– Эй, сестра Мэри! Кто-нибудь дома?

– Ах, извините, сэр. Он просто такой сладкусик. Ну разве он не похож на папочку? Похож, конечно. Разве мы не похожи на папочку, на папеньку своего вкусенького...

– Нет, – твердо сказал Кроули. – И на вашем месте я бы уже отправился в палату.

– Как вы думаете, сэр, он вспомнит меня, когда вырастет? – мечтательно спросила сестра Мэри, выплывая в коридор.

– Молитесь, чтоб не вспомнил, – сказал Кроули и исчез.

Сестра Мэри шла пустыми коридорами по ночной больнице, крепко держа в руках Врага Рода Человеческого, Низвергателя Царей, Ангела Преисподней, Великого Зверя, именуемого Дракон, Князя Мира, Отца Лжи, Отродье Сатаны и Повелителя Тьмы. Найдя свободную коляску, она уложила его туда.

Он агукнул. Она пощекотала его.

Из-за двери степенно высунулась женская голова. Она сказала:

– Сестра Мэри, что вы здесь делаете? Вы разве не должны дежурить в палате номер четыре?

– Но господин Кроули сказал...

– Пожалуйста, следуйте в палату степенно, как подобает монахини. Вы нигде не видели ее мужа? Его нет в приемной.

– Мне встретился только господин Кроули, и он мне сказал...

– Не сомневаюсь, – решительно оборвала ее старшая сестра Грейс Многослофф. – Мне, пожалуй, лучше пойти и поискать страдальца. А вы идите и присмотрите за ней, хорошо? Она еще слаба, но ребенок в порядке. – Сестра Грейс остановилась. – Почему вы моргаете? Вам что-то попало в глаз?

– Вы же знаете, – произнесла сестра Мэри коварным шепотом. – Младенцы. Подмена...

– Конечно, конечно. Все в свое время. Но мы же не можем допустить, чтобы его отец бродил здесь без дела, верно? – ответила сестра Грейс. – Мало ли чего он может увидеть. Значит, ждите здесь и присмотрите за ребенком, вот и славно.

И она поплыла вдоль безупречно чистых стен. Сестра Мэри, толкая перед собой коляску, вошла в палату.

Миссис Янг была не просто слаба. Она крепко спала, и на лице ее читалось выражение непреклонной удовлетворенности по поводу того, что хотя бы раз бегать придется кому-то другому. Рядом с ней спало Дитя А, уже взвешенное и снабженное ярлычком с именем. Сестра Мэри, всегда готовая помочь (это была привычка, выработанная годами), сняла ярлычок, скопировала его и привязала копию на ножку препорученного ей младенца.

Младенцы выглядели очень похоже: оба маленькие, в пятнах и с виду – ну вылитый Уинстон Черчилль (хотя и не совсем).

А теперь, подумала сестра Мэри, я бы не отказалась от чашки чаю.

Большинство монашек в этом монастыре были правоверными сатанистками, как и все в их семьях как минимум до третьего колена. Их так воспитывали, и, если разобраться, ничего особенно плохого в них не было. В людях по большей части вообще нет ничего особенно плохого. Они просто склонны увлекаться новыми поветриями, например: обряжаться в сапоги и расстреливать других людей, или обряжаться в белые простыни и вешать других людей, или обряжаться в узкие джинсы, хвататься за гитары и созывать других людей на концерт. Только дайте им новый символ веры соответствующего фасона, и их умы и сердца – ваши. А когда из тебя с детства воспитывают сатаниста или сатанистку, новизна пропадает. Сатанизмом можно заниматься вечером по субботам. В остальное время ты живешь как можешь, точно так же, как и все остальные. Кроме того, сестра Мэри была медсестрой, а медсестры, во что бы они ни верили, в первую очередь медсестры: они носят часы на руке, повернув их циферблатом внутрь, сохраняют спокойствие в любой ситуации и всегда хотят чаю. Сестра Мэри очень надеялась, что кто-нибудь ее вскоре сменит; она выполнила свою часть ответственного задания, а теперь хотела чаю.

Дела человеческие становятся намного яснее, если четко понимать, что причина великих триумфов и трагедий истории не в том, что люди по природе своей добры или злы, но в том, что по природе своей они – люди.

В дверь постучали, и она открыла.

– Уже все, или еще нет? – спросил мистер Янг. – Я отец. Муж. И то, и другое. Оба.

Сестра Мэри ожидала, что американский атташе по культурным связям будет выглядеть как Си-Си из «Санта-Барбары» или хотя бы Мейсон. Мистер Янг не был похож ни на одного американца из тех, которых она видела по телевизору, разве что на одного по-отечески добродушного шерифа из детективного сериала (не самого плохого)⁴. Он ее несколько разочаровал. И куртка его тоже ей не понравилась.

Она постаралась скрыть разочарование.

– О да, – сказала она. – Поздравляю. Ваша жена спит, бедняжка.

Мистер Янг заглянул ей через плечо.

– Двойня? – спросил он.

И полез в карман за трубкой.

И не стал доставать трубку.

И снова стал.

– Двойня? Никто ничего не говорил про двойню.

– Нет-нет, – затараторила сестра Мэри. – Этот не ваш. Этот... этот чужой. Просто смотрю за ним, пока сестра Грейс не вернулась. Нет-нет, – повторяла она, указывая на Врага Рода Человеческого, Низвергателя Царей, Ангела Преисподней, Великого Зверя, именуемого Дракон, Князя Мира, Отца Лжи, Отродье Сатаны и Повелителя Тьмы, – вот этот вот точно ваш. От макушки до самых копытчек... которых у него нет, – торопливо добавила она.

Мистер Янг склонился над младенцем.

– Ну да, – с сомнением в голосе произнес он. – Похоже, пошел в меня. Ну что ж, здоров и весел?

– Разумеется, – ответила сестра Мэри. – Абсолютно нормальный ребенок, – добавила она. – Очень, очень нормальный.

Они замолчали и уставились на спящего младенца.

– У вас почти нет акцента, – сказала сестра Мэри. – Вы у нас давно?

– Лет десять, – чуть-чуть озадаченно ответил мистер Янг. – Перешел на другую работу, понимаете ли, и пришлось переехать.

– У вас, должно быть, очень интересная работа, – сказала сестра Мэри.

Мистер Янг благодарно взглянул на нее. Не всякому удастся проявить интерес к животрепещущим проблемам бухгалтерского учета.

– Наверное, там, откуда вы приехали, все было по-другому, – продолжала сестра Мэри.

– Наверное, – согласился мистер Янг, который никогда об этом не задумывался. Насколько ему помнилось, Лутон был очень похож на Тэдфилд. Такие же живые изгороди от дома до вокзала. Такие же люди.

– Дома были повыше, это уж точно, – безрассудно предположила сестра Мэри.

Мистер Янг удивленно взглянул на нее. Единственный высокий дом, который ему вспомнился, был зданием банка «Альянс и Листер».

– И вас, наверное, часто приглашают в гости. Приемы на открытом воздухе, все такое, – монашку было не остановить.

С этой темой мистер Янг был знаком лучше. Дейдрдре очень нравились вечеринки в саду.

---

⁴ Того, в котором в роли детектива выступает маленькая пожилая особа и в котором нет ни одной погони. А если есть, то машины едут очень, очень медленно.

– О да, – с чувством сказал он. – Дейдра сама варит для них варенье. А мне обычно приходится помогать с играми. «Испорченный телефон», ну вы понимаете...

Об этом аспекте жизни в Букингемском дворце сестра Мэри никогда не задумывалась, но теперь поняла, почему туда невозможно дозвониться.

– Что же они его не починят? – удивилась она. – А если что случится?

– Извините?

– Знаете, мне очень нравится семья королевы.

– И мне тоже, – оживился мистер Янг, с благодарностью перепрыгивая на так удачно подвернувшуюся льдину в безумном потоке сознания. По крайней мере, разговор в отношении королевской семьи не вызывал опасений. Если, конечно, речь шла о настоящих ее представителях, которые добросовестно выполняют свою работу, приветствуя народ с балкона и спуская на воду новый авианосец. Не тех, которые всю ночь шляются по клубам и блюют на папарацци⁵.

– Как мило, – сказала сестра Мэри. – А я-то думала, что вы ни в грош не ставите королевский титул после того, как ваши отцы-пионеры в Бостоне выбросили весь чай в реку.

И она продолжала болтать, следуя уставу Ордена, согласно которому его члены должны всегда говорить то, что у них на уме. Мистер Янг отдался на волю волн: он слишком устал, чтобы придавать этому значение. Возможно, в результате праведной жизни в поведении людей появляются определенные странности. Если бы миссис Янг сейчас проснулась, это была бы весьма кстати, подумал он. И тут одно понятное ему слово, мелькнувшее в болтовне сестры Мэри, отозвалось в его душе благодарным эхом.

– Скажите, не могу ли я где-нибудь по возможности выпить чашку чаю... если можно? – осведомился он.

– Ой, – сказала сестра Мэри, в ужасе закрыв рот ладонью, – как же мне это в голову не пришло?

Мистер Янг не стал высказывать предположений на этот счет.

– Минуточку, я сейчас сбегая, – залепетала она. – Вы уверены насчет чая? Может быть, кофе? Этажом выше стоит этот... как его... *кофематор*.

– Чаю, пожалуйста, – сказал мистер Янг.

– Ну, вы действительно *отуземилась*, скажу я вам, – радостно заявила сестра Мэри и выбежала из палаты.

Мистер Янг, оставшись наедине с женой и двумя младенцами, которые крепко спали, опустил на стул. Да, видимо, когда рано встаешь и молишься, и подолгу стоишь на коленях – это сказывается. Нет, они, конечно, хорошие люди, но не совсем в трезвом уме и здравой памяти. Он однажды видел фильм Кена Рассела, так там монашки стали сатанистками. Не то чтобы здесь что-нибудь подобное, но нет дыма без огня и все такое...

Он тяжело вздохнул.

Именно в этот момент проснулось Дитя А и разразилось добротным, отборным ревом.

Мистеру Янгу уже много лет не приходилось успокаивать ревуших детей. Честно говоря, ему это никогда и не удавалось. Он всегда питал огромное уважение к сэру Уинстону Черчиллю и укачивать его уменьшенную копию, взяв ее на ручки, представлялось ему делом недостойным.

– Добро пожаловать в наш мир, – устало сказал он. – Потерпи, привыкнешь.

Дитя закрыло рот и уставилось на мистера Янга так, словно тот был генералом, докладывающим о крупном поражении.

Сестра Мэри не могла найти более подходящего момента, чтобы вернуться с подносом в руках. Сатанистка или нет, но она даже разыскала блюдце, на котором разложила печенье с глазурью – такое всегда оказывается на самом дне пакета с надписью «К чаю» или «Бабушкина

---

⁵ Здесь, возможно, следует заметить: мистер Янг полагал, что «папарацци» – это разновидность итальянского линолеума.

сдоба». Мистеру Янгу досталось печенье хирургически розового цвета, украшенное глазурированным снеговиком.

– У вас, наверное, таких и нет, – сказала сестра Мэри. – Вы это называете печеньем. А мы – бисквитами.

Мистер Янг едва успел открыть рот, чтобы сказать, что он тоже использует второе из приведенных слов, и не только он, но и большинство жителей Лутона, как в комнату, задыхаясь, ворвалась другая монашка.

Она взглянула на сестру Мэри, сообразила, что мистер Янг никогда не заглядывал внутрь пентаграммы, начерченной мелом на полу, и ограничилась тем, что указала на Дитя А и подмигнула сестре Мэри.

Сестра Мэри кивнула и подмигнула в ответ.

И вторая монашка увезла младенца.

Подмигивание как метод общения между людьми – довольно универсальное средство. Много можно сказать, просто подмигнув собеседнику. Например, в данном случае подмигивание второй монашки означало:

Ангел тебя раздери, ты где ходишь? Дитя Б родилось, мы готовы подменить младенцев, а ты тут не в той палате вместе с Врагом Рода Человеческого, Низвергателем Царей, Ангелом Преисподней, Великим Зверем, именуемым Дракон, Князем Мира, Отцом Лэжи, Отродьем Сатаны и Повелителем Тьмы, чаи распиваешь. До тебя не доходит, что меня только что чуть не пристрелили?

А ответное подмигивание сестры Мэри, с ее точки зрения, означало:

Вот он, Враг Рода Человеческого, Низвергатель Царей, Ангел Преисподней, Великий Зверь, именуемый Дракон, Князь Мира, Отец Лэжи, Отродье Сатаны и Повелитель Тьмы, и я не могу с тобой говорить при посторонних.

Тогда как сестра Мэри решила, что подмигивание второй монашки означает скорее:

Отлично проделано, сестра, – ты сама подменила младенцев. Теперь покажи мне лишнего, и я избавлю тебя от него, и ты сможешь продолжать пить чай с его Королевским Превосходительством Американским Культуристом.

И, соответственно, ее ответное подмигивание означало:

Вот он, дорогуша; это Дитя Б, забирай его, и дай мне поболтать с Его Превосходительством. Я всегда хотела спросить у него, зачем им эти высоченные дома, которые они обделывают зеркалами.

Все эти тонкости прошли на цыпочках мимо внимания мистера Янга, который был необычайно смущен вниманием, проявленным заговорщиками к его собственной персоне, и в данный момент думал о том, что мистер Рассел, похоже, знал, о чем снимал свое кино.

Вторая монашка могла бы заметить ошибку сестры Мэри, если бы ее не вывели из себя охранники в палате миссис Даулинг, которые смотрели на нее с нескрываемым и все возрастающим недоверием. Вызвано это было тем, что их специально обучали реагировать особым образом на людей в длинных балахонах и головных платках и теперь они страдали конфликтом сигнальных систем. Людям, страдающим конфликтом сигнальных систем, лучше не давать в руки оружие, особенно если они только что присутствовали при рождении ребенка естествен-

ным путем, что абсолютно не соответствует их представлениям об американском способе появления на свет новых граждан Соединенных Штатов. Кроме того, краем уха они слышали, что в здании курят фимиам.

Миссис Янг пошевелилась.

– Вы уже выбрали для него имя? – хитро прищурилась сестра Мэри.

– А? – отозвался мистер Янг. – Да. Нет. Нет, еще не выбрали. Если бы была девочка, мы бы назвали ее Люсиндой в честь моей мамы. Или Жерменой. Это Дейрдра так решила.

– Девочку можно было бы назвать Польнь, – сказала сестра Мэри, вспомнив школьный курс литературы. – А мальчика – Дамиан, или Дэмьен, если по-вашему. Очень модное нынче имя.

Анафеме Деталь – ее мать была не слишком начитана в вопросах религии и, когда ей однажды встретилось красивое слово, она решила, что это прелестное имя для девочки – было восемь с половиной лет от роду, и она читала Книгу, спрятавшись под одеяло с фонариком.

Другие дети учатся читать по детским книжкам с цветными картинками, на которых изображены арбузы, белки, вараны и так далее. Но не в семье Анафемы Деталь. Анафема училась читать по Книге.

Там не было ни арбузов, ни бананов. Хотя одна картинка была: неплохая гравюра на дереве восемнадцатого века, и на ней была изображена Агнесса Псих, сжигаемая на костре, и, с виду, немало этим довольная.

Первое слово, которое прочла Анафема, было «прекрасная».

Очень немногие дети в возрасте восьми с половиной лет знают, что «прекрасная» может означать также «абсолютно правильная», но Анафема была именно из числа очень немногих.

Вторым словом было «точные».

Первой фразой, которую она прочла вслух, было следующее:

«Истинно говорю вамъ и поручаю вамъ слова мои: Поскачутъ Четверо, и Четверо также поскачутъ, и Трое поскачутъ в Небесах промежъ, и Одинъ поскачетъ в пламене, и не остановитъ Их ни рыба, ни гроза, ни путь, ни Дьяволъ, ни Ангелъ. И ты будешь с ними, Дитя мое».

Анафеме нравилось читать про себя.

(Есть такие детские книги, которые могут заказать родители, читающие правильные воскресные газеты. В них можно впечатать имя их ребенка вместо имени главного героя или героини. Предполагается, что это будет способствовать поднятию интереса к книге. В этом конкретном случае в Книге рассказывалось не только про Анафему – причем без малейшей ошибки, – но и про ее родителей, и бабушек с дедушками, и всех ее предков вплоть до семнадцатого века. На данный момент Анафема еще слишком мала, чтобы думать о ком-то, кроме себя, и придавать значение тому, что в книге не упоминаются ни ее дети, ни, если уж об этом зашла речь, какие-либо события после одного определенного момента, который наступит через одиннадцать лет. Когда тебе восемь с половиной, одиннадцать лет – это целая жизнь, и, разумеется, если верить Книге, так оно и есть.)

Анафема была способным ребенком. У нее были бледное лицо, черные волосы и черные глаза. Как правило, рядом с ней люди чувствовали себя неудобно: эту особенность, вместе с чрезмерным талантом экстрасенса, проявлявшимся, как правило, некстати, она унаследовала от своей пра-пра-пра-пра-прабабушки.

Она была развита не по летам и хорошо владела собой. Единственное, за что учителям хватало мужества корить Анафему – это правописание, хотя здесь все ее проблемы были не в ужасных ошибках, а в том, что писала она по правилам, устаревшим лет этак на триста.

* * *

Монашки взяли Дитя А и подложили вместо него Дитя Б под носом жены атташе по культурным связям и ее охранников, искусно изъяв из палаты одного младенца («надо взвесить, дорогуша, это обязательно, так полагается») и через некоторое время вернув в палату другого.

Сам атташе по культурным связям Тадеуш Дж. Даулинг отсутствовал, поскольку его несколько дней назад срочно вызвали в Вашингтон. Однако он связался с миссис Даулинг по телефону и на всем протяжении родов не отрывался от трубки, помогая ей дышать ровнее.

На пользу делу, правда, не пошло то, что он одновременно разговаривал по другому телефону со своим советником по инвестициям. В какой-то момент он даже был вынужден переключить жену в режим ожидания на двадцать минут.

Ничего страшного.

Рождение ребенка – самое радостное событие из всех, которые могут разделить два человека, и он не собирался пропустить ни единой секунды.

Уезжая, он поручил одному из охранников записать роды на видео.

* * *

Зло, как правило, не дремлет и, соответственно, плохо понимает, почему вообще кто-то должен спать. Но Кроули поспать любил, и для него это было одной из мелких радостей жизни. Особенно после сытного обеда. Он проспал, к примеру, бóльшую часть девятнадцатого столетия. И не потому, что так было надо, просто ему это нравилось⁶.

Мелкие радости жизни. Пожалуй, стоит обратить на них больше внимания, пока еще есть время.

«Бентли» рычал и вгрызался в ночь, направляясь на восток.

Разумеется, Кроули поддерживал идею Армагеддона – вообще говоря. Если бы у него спросили, зачем он торчал тут столько веков и спустя рукава вмешивался в дела человеческие, он бы ответил: «Ну, конечно, чтобы приблизить Армагеддон и победу Преисподней». Но одно дело – готовить Армагеддон, и совсем другое – видеть, что он вот-вот действительно случится.

Кроули всегда знал, что никуда не денется, когда наступит конец света, потому что был бессмертен и никакого выбора у него не было. Но он все равно надеялся, что до конца света еще далеко.

Потому что ему порядком нравились люди. А это большой недостаток для демона.

Нет, конечно, он делал все что мог, чтобы ухудшить их и без того краткую жизнь. В этом была суть его работы, но он не мог придумать ничего настолько плохого, чтобы хоть в чем-то сравняться с теми гадостями, которые они придумывали сами. Похоже, это был просто талант, невесть как встроенный в них с самого начала. Они приходили в мир, настроенный против них в любой из тысячи мелочей, а потом все свои силы тратили на то, чтобы сделать его еще хуже. С течением времени Кроули испытывал все большие трудности, пытаясь придумать что-нибудь настолько дьявольское, чтобы выделиться на общем омерзительном фоне. В последнюю тысячу лет ему иногда хотелось послать в Преисподнюю письмо примерно следующего содержания: «Слушайте, здесь, наверху, уже можно прекращать работу; можно вообще закрыть Дис, Пандемониум и прочие адские города и перебраться сюда на постоянное место жительства; мы не можем сделать ничего, чего они сами уже не сделали, а они делают такое, что нам и в голову

---

⁶ Хотя ему и пришлось подняться в 1832 году, чтобы сходить в туалет.

никогда бы не пришло, причем нередко используют электричество. У них есть то, чего нет у нас. У них есть *воображение*. И, разумеется, электричество».

Один из них так и написал, правда ведь? «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»⁷

За испанскую инквизицию Кроули получил благодарность. Он и правда был в то время в Испании, большей частью околачиваясь в тавернах, выбирая места поживописнее, и знать ничего не знал, вплоть до того момента, пока ему не сообщили о занесении благодарности в его личное дело. Он отправился посмотреть, что к чему, вернулся, запил и неделю не просыхал.

К примеру, Иероним Босх. Чудовищно, право слово.

И именно в тот момент, когда начинаешь думать, что в них больше зла, чем даже в Преисподней, в них вдруг обнаруживается больше благодати, чем могут представить себе ангелы в Раю. Причем нередко в одной и той же особи. Тут, конечно, сказывалась абсолютная свобода человеческой воли. В этом вся проблема.

Азирафель однажды попытался объяснить ему, в чем тут дело. Все дело в том, сказал он, – это было примерно в 1020 году, когда впервые зашла речь об их маленькой Договоренности – все дело в том, что человек становится добрым или злым, потому что сам хочет этого. А такие как Кроули, или, разумеется, сам Азирафель, с самого начала настроены на что-то одно. Люди не смогут достичь истинной святости, сказал он, если им не будет предоставлена возможность решительно обратиться к пороку.

Кроули некоторое время думал над этим, а потом, примерно в 1023 году, заметил:

– Постой, но ведь это сработает только, если с самого начала ставить их в равные условия. Вряд ли можно ожидать, что тот, кто появится на свет в грязной лачуге в зоне боевых действий, окажется столь же добродетелен, как и тот, кто родился во дворце.

– Ну да, – ответил Азирафель, – это-то и хорошо. У тех, кто начинает с самого низа, больше возможностей.

– Идиотизм, – сказал Кроули.

– Нет, – сказал Азирафель. – Непостижимость.

Азирафель. Безусловно, Враг. Но он был врагом уже шесть тысяч лет и уже стал в какой-то степени другом.

Кроули достал телефон.

Если ты демон, это, вообще говоря, означает, что у тебя нет свободы воли. Но когда общаешься с людьми столь долгое время, поневоле чему-нибудь научишься.

* * *

Мистер Янг не испытал восторга по поводу предложенных ему вариантов: ни Дэмьен, ни, разумеется, Польша его не устраивали. Равно как и прочие предложения сестры Мэри, которая успела упомянуть половину Преисподней и большую часть классики Голливуда.

– Ну, не знаю, – несколько обиженно заявила она в конце концов, – что уж такого плохого в имени Кларк. Или Хамфри. Прекрасные американские имена, что одно, что другое.

– Я бы предпочел более, скажем так, традиционные варианты, – объяснил мистер Янг. – У нас в семье принято давать старые добрые простые имена.

Сестра Мэри просияла.

– Отлично! Старые имена лучше всего, я лично так считаю.

– Приличные английские имена, как в Библии, – продолжал мистер Янг. – Марк, к примеру, или Лука, – задумчиво перебирал он.

– Люк, – вставила сестра Мэри.

---

⁷ У. Шекспир «Буря», акт I, сцена 2 (пер. М. Донской).

- Только они никогда не казались мне настоящими библейскими именами, – добавил мистер Янг. – Больше похожи на имена ковбоев и футболистов.
- Соломон звучит неплохо, – сделала еще одну попытку сестра Мэри.
- Мне бы не хотелось ничего *слишком* старомодного, – сказал мистер Янг.
- Тогда Каин. Очень современно звучит, в самом деле: Каин.
- М-да? – недоверчиво протянул мистер Янг.
- Ну, в конце концов... в конце концов есть еще Адам, – сказала сестра Мэри. Уж от этого вреда не будет, подумала она.
- Адам? – задумался мистер Янг.

* * *

Как было бы хорошо предположить, что монашки-сатанистки втихомолку отдали лишнее дитя – Дитя Б – в хорошие руки. Что его усыновили и младенец стал нормальным, счастливым и веселым ребенком, деятельным и жизнерадостным; и что потом он продолжал расти и стал нормальным, довольным жизнью мужчиной.

Может быть, так все и было.

Не останавливайтесь, представьте себе, как он получает почетную грамоту за чистописание в начальной школе; как проходят его ничем не примечательные, но веселые студенческие годы; как он работает в отделе начисления заработной платы Строительного общества Тэдфилда и Нортон; представьте себе его прелестную жену. Возможно, вам захочется придумать ему детей, и какое-нибудь увлечение: реставрировать старинные мотоциклы, например, или держать аквариумных рыбок.

Нет, вам не хочется знать, что могло ожидать Дитя Б.

И нам все равно больше нравится ваша версия.

Может быть, его рыбки получают приз на выставке.

* * *

В домике на окраине Доркинга, в графстве Сюррей, в окне спальни горел свет.

Ньютону Импульсиферу было двенадцать лет. Он был тощ, близорук и давно должен был быть в постели.

Однако его мать была убеждена в том, что ее сын – гений, и разрешала ему ложиться спать позже, чтобы он мог «делать свои эксперименты».

В данный момент целью его эксперимента являлась замена предохранителя в древнем радиоприемнике, который, судя по бакелитовому корпусу, был выпущен не позднее тридцатых годов двадцатого столетия. Теперь матушка Ньютона отдала его сыну поиграть. Ньютон сидел за своим почти развалившимся столиком – «лабораторным столом», как он его гордо называл – и перед ним были аккуратно разложены мотки провода, батарейки, маленькие лампочки и самодельный детекторный приемник, который так и не заработал.

Бакелитовую древность Ньютону тоже еще не удалось заставить включиться, хотя, говоря откровенно, ему вообще еще ни разу не удалось добраться до этого великого момента.

К потолку его комнаты на бечевках были подвешены три кривобоких самолетика. Даже не очень внимательный наблюдатель заметил бы, что они вышли из-под руки мастера, который был старателен, аккуратен, и в то же время абсолютно не способен строить модели самолетов. Ньютон безнадежно гордился каждым из своих творений, даже «спитфайром», которому он особенно искусно испортил крылья.

Ньютон поправил очки, прищурился, уставившись на предохранитель, и положил отвертку.

На этот эксперимент он возлагал очень большие надежды; он следовал всем инструкциям по замене предохранителей на пятой странице книжицы «Советы юному мастеру по прикладной электронике (и сто один познавательный опыт с электричеством)». Он тщательно подключил провода соответствующих цветов к соответствующим контактам; он проверил, на какую силу тока рассчитан предохранитель; он поставил его на место и прикрутил обратно заднюю крышку. Пока никаких проблем.

Он включил приемник в сеть. И щелкнул выключателем.

Свет во всем доме погас.

Ньютон просиял. Уже лучше, с гордостью подумал он. В прошлый раз свет погас во всем Доркинге и к ним приходил электрик и говорил с мамой самым серьезным образом.

Ньютон питал жгучую и абсолютно безответную любовь ко всему, что связано с электричеством. В школе был компьютер, и несколько особо прилежных учеников оставались после уроков, чтобы повозиться с перфокартами. Когда наконец учитель информатики снизошел до просьб Ньютона и позволил ему войти в число избранных, Ньютон успел скормить машине всего одну маленькую карточку. Компьютер задумчиво пожевал ее, подавился и скончался в муках.

Ньютон свято верил, что будущее за компьютерами, и был готов встретить его во всеоружии, на переднем краю новых технологий.

У будущего на этот счет были свои планы. И все это вошло в Книгу.

* * *

Адам, подумал мистер Янг. А потом произнес это имя, чтобы послушать, как оно звучит.

– Адам. Хмм...

Он опустил взгляд на золотистые кудри Врага Рода Человеческого, Низвергателя Царей, Ангела Преисподней, Великого Зверя, именуемого Дракон, Князя Мира, Отца Лжи, Отродья Сатаны и Повелителя Тьмы.

– А знаете, – заявил он, немного подумав, – мне кажется, «Адам» ему действительно подходит.

* * *

Та ночь не была темной и ненастной.

Темной и ненастной была ночь через два дня и четыре часа после того, как и миссис Даулинг, и миссис Янг (и соответствующие младенцы) покинули здание монастыря. Вот эта ночь была исключительно темной и ненастной, и сразу после полуночи, когда гроза разбушевалась не на шутку, шальная молния ударила в монастырь Болтливого Ордена Св. Бериллы и подожгла крышу ризницы.

От пожара никто серьезно не пострадал, но его не удавалось потушить несколько часов и он успел причинить монастырю немалый ущерб.

Поджигатель наблюдал за пожаром, укрывшись на холме неподалеку. Он был тощ и высок. Он был Князь Ада. Это было его последнее задание перед возвращением в Преисподнюю, и он его выполнил.

Остальное вполне мог доделать Кроули.

А Хастур отправился домой.

* * *

С точки зрения небесной иерархии Азирафель был в чине Власти, но сами знаете, какое нынче отношение к властям.

Вообще говоря, ни он, ни Кроули не стали бы водить знакомство друг с другом, однако оба были людьми (или, по крайней мере, человекоподобными созданиями) светскими (Азирафель в прямом, а Кроули в переносном смысле), и все это время Договоренность, безусловно, шла на пользу им обоим. Кроме того, в любом случае можно привыкнуть к единственному лицу, которое попадаете тебе на глаза шесть миллионов лет подряд.

Их Договоренность была очень простой; настолько простой, что обзавелась прописной буквой только потому, что существовала так долго. Это была договоренность из разряда тех, что нередко заключаются между работниками конкурирующих организаций, когда они работают в трудных условиях, вдали от начальства, и вдруг понимают, что у них больше общего с непосредственными противниками, чем с далекими союзниками. Договоренность эта состояла в безмолвном невмешательстве в дела друг друга. В результате никто реально не выигрывал, но зато никто, собственно, и не проигрывал, и обе стороны могли докладывать начальству о тех невероятных усилиях, которые они затрачивают на борьбу с хитроумным и хорошо информированным врагом.

На деле это значило, что Кроули занялся разработкой Манчестера, в то время как Азирафель получил свободу действий в Шропшире. Кроули забрал Глазго, а Азирафель – Эдинбург (ни тот ни другой не взяли на себя ответственность за Милтон Кейнз⁸, но оба доложили о нем начальству как о несомненном успехе).

Вполне естественно, что им приходилось прикрывать друг друга, если возникала такая необходимость. В конце концов, они оба были ангелами. И если один из них отпраивался в Гуль на рутинное искушение, был определенный смысл в том, чтобы пробежаться по городу и параллельно устроить стандартный сеанс божественного озарения. Так *все равно* бы произошло, и их разумный подход к этим вопросам сэкономил обоим и время, и деньги.

Азирафель периодически начинал терзаться угрызениями совести по этому поводу, но столетия работы с человечеством оказали на него то же действие, что и на Кроули, только с другим знаком.

Помимо всего прочего, начальству, похоже, было все равно, кто именно и чем именно занимался, если работа шла надлежащим порядком.

В данный момент Азирафель занимался тем, что стоял рядом с Кроули над прудом в Сент-Джеймском парке и кормил уток.

Утки в Сент-Джеймском парке настолько привыкли к тому, что их кормят тайные агенты, назначающие здесь свои явки, что у них выработался условный рефлекс совсем по Павлову. Посадите в клетку утку из Сент-Джеймского парка, покажите ей фотографию двух мужчин – один обычно в пальто с меховым воротником, другой в чем-нибудь темном и с шарфом на шее – и она сразу поднимет голову и выжидательно уставится вверх. Утки с более утонченным вкусом предпочитают ржаной хлеб от русского атташе по культурным связям, в то время как настоящие знатоки с восторгом отзываются о непропеченных булочках «ховис», намазанных солоноватой пастой «мармайт», которыми делится с ними глава Девятого отдела Управления военной разведки Великобритании, более известного как МИ9.

Азирафель бросил корку взъерошенному селезню. Тот схватил ее и тут же утонул.

---

⁸ Примечание для американцев и прочих пришельцев: Милтон Кейнз – новый город, примерно на полпути между Лондоном и Бирмингемом. Его строили в расчете на то, что это будет современный, здоровый, рационально спланированный город, в котором к тому же будет приятно жить. Многие британцы находят это забавным.

Ангел повернулся к Кроули.

– Знаешь ли, дорогой мой... – начал он.

– Извини, – сказал Кроули. – Забылся.

Селезень моментально всплыл и сердито огляделся.

– Мы, разумеется, знали, что что-то происходит, – сказал Азирафель. – Но всегда почему-то кажется, что такое может быть только в Америке. У них это излюбленное занятие.

– Может, так оно и есть, – угрюмо проворчал Кроули. Он оглянулся на свой «Бентли», на заднем колесе которого уже красовался искусно прилаженный блокиратор.

– Ах да. Американский дипломат, – отозвался ангел. – Я бы сказал, слишком броско. Как будто Армагеддон – это новый фильм, который надо продать в разные страны. Как можно больше стран.

– Во *все* страны, – сказал Кроули. – Все царства земные.

Азирафель бросил уткам последний кусок хлеба, и они поплыли приставать к болгарскому военно-морскому агташе и вороватому типу в галстук с эмблемами Кембриджа. Ангел аккуратно выбросил пакетик в урну и повернулся к Кроули.

– Мы победим, разумеется, – сказал он.

– Ты же не хочешь этого, – парировал демон.

– Будь любезен, объясни, с чего ты это взял?

– Послушай, – с отчаянием в голосе спросил Кроули, – сколько музыкантов на вашей стороне, а? Настоящих, первоклассных музыкантов?

Судя по лицу Азирафеля, его застали врасплох.

– Ну, я бы сказал... – начал он.

– Два, – сказал Кроули. – Эдвард Элгар и Ференц Лист. И *все*. Все остальные – наши. Бетховен, Брамс, Бах со всем семейством, Моцарт, просто все. Ты можешь вообразить себе вечность в компании Элгара?

Азирафель прикрыл глаза.

– Легко, – простонал он.

– То-то и оно, – торжествующе заявил Кроули. Он прекрасно знал слабые места Азирафеля. – Ни тебе компакт-дисков. Ни тебе Альберт-холла. Ни тебе «променадных концертов». Ни Ла Скала, ни Большого театра. Только гармония небесных сфер с утра до вечера.

– Непостижимо, – пробормотал Азирафель.

– Как яйца без соли, ты сказал. Так вот: ни яиц, ни соли. Ни лосося «гравлак» с укропом. Ни ресторанчиков, где тебя узнают на входе. Ни кроссвордов из «Дейли Телеграф». Ни антикварных магазинов, ни книжных. И никаких раритетных изданий. Не говоря уже о (Кроули почти исчерпал запас знаний об увлечениях Азирафеля) серебряных табакерках эпохи Регентства!

– Но когда мы победим, жить станет лучше! – хрипло проговорил ангел.

– Но не так интересно. Послушай, ты же *знаешь*, что я прав. Ты будешь не более счастлив с арфой в руках, чем я с вилами.

– Ты прекрасно знаешь, что мы не играем на арфах.

– А мы не пользуемся вилами. Это была фигура речи.

Они молча уставились друг на друга.

Азирафель молитвенно сложил перед лицом ухоженные ладони.

– Понимаешь, наши просто в восторге от того, что произойдет. Это же то, чего мы добились. Главное испытание. Огненные мечи, Четыре Всадника, моря крови, и прочие неприятности. – Он пожал плечами.

– А потом «конец игры, бросьте монету»? – спросил Кроули.

– Иногда мне становится трудно понять твою манеру выражаться.

– Моря мне нравятся такими, как они есть. И совсем не обязательно, чтобы это случилось. Совсем не обязательно устраивать испытание на прочность только для того, чтобы убедиться, прав ли ты был с самого начала.

Азирафель снова пожал плечами.

– Боюсь, для тебя это останется непостижимой мудростью.

Он зябко поежился и поплотнее запахнул пальто. Над городом собирались серые тучи.

– Пойдем куда-нибудь, где потеплее, – сказал он.

– Ты меня приглашаешь? – угрюмо уточнил Кроули.

Некоторое время они шагали в угрюмой тишине.

– Не то чтобы я не был с тобой согласен, – сказал ангел, шагая по траве. – Просто я не могу не подчиниться. Мне сие не дозволено, и ты знаешь об этом.

– Мне тоже, – буркнул Кроули.

Азирафель глянул на него искоса.

– Неужели? – сказал он. – Ты же все-таки демон.

– Угу. Но наши одобряют неподчинение только самого общего свойства. А в конкретных случаях они принимают очень жесткие меры.

– То есть в случае неподчинения их конкретным приказам?

– Вот-вот. Ты даже представить себе не можешь. Или можешь. Как ты думаешь, сколько у нас времени?

Кроули махнул рукой в сторону «Бентли», и тот отворил двери.

– В разных пророчествах по-разному, – сказал Азирафель, усаживаясь в машину. – До конца века, это точно, хотя можно ожидать некоторых необычных явлений и до этого. Большинство пророков в прошлом тысячелетии больше заботились о размере стиха, чем о точности.

– Не понял, – удивился Кроули, показал на ключ зажигания и тот повернулся.

– Ну как же, – разъяснил ангел. – «И кончится время на круге своем, в та-ТА-та та-ТА-та та-ТА-та седьмом». Или восьмом. Или шестом. Для «четвертом» не слишком много хороших рифм, так что, это, наверное, будет не самый плохой год.

– А что за необычные явления?

– Двухголовые телята, знамена в небе, гуси, летящие задом наперед, дожди из рыб и все такое. Антихрист, придя в мир, влияет на естественные причинно-следственные связи.

– М-да...

Кроули переключил скорость и тут же вспомнил еще кое о чем. Он щелкнул пальцами. Блокиратор как ветром сдуло.

– Поедем обедать, – сказал он. – Я тебе остался должен, еще с... когда это было?

– Париж, год 1793-й, – ответил Азирафель.

– А, ну да. Эпоха террора. Это наша работа или ваша?

– Разве не ваша?

– Уже не помню. А ресторанчик был неплох.

Когда они проезжали мимо потерявшего дар речи инспектора дорожного движения, блокнот у того неожиданно загорелся, к большому удивлению Кроули.

– Мне кажется, я не собирался этого делать, – сказал он.

Азирафель покраснел.

– Это я, – объяснил он. – Я всегда думал, что эти типы – ваше изобретение.

– Неужели? А мы думали на вас.

Кроули, глядя в зеркало, с интересом разглядывал дым позади.

– Поехали, – сказал он. – Давай в «Ритц».

Конечно, заказывать столик Кроули не собирался. В этом мире заказ столика – не его удел.

* * *

Азирафель коллекционировал книги. И хотя он был владельцем книжного магазина, даже себе самому он не признался бы в том, что его магазин – всего лишь место, где он хранит свою коллекцию. (В этом, кстати, он был не одинок.) Поддерживая легенду обычного торговца подержанными книгами, он использовал все способы, чтобы отвлечь возможных покупателей, кроме разве что прямого физического насилия: отвратительный запах отсыревшей бумаги, враждебные взгляды, меняющиеся самым причудливым образом часы работы – все шло в дело и как нельзя лучше соответствовало его намерениям.

Собиранием книг он занимался уже очень давно, и у него, как и у всех коллекционеров, появились определенные пристрастия.

У него было более шестидесяти различных собраний пророчеств на тему последних веков второго тысячелетия. Его очень интересовали первые издания Оскара Уайльда. А также у него было полное собрание Нечестивых Библий, каждая из которых получила название, соответствующее ошибкам наборщиков.

Среди этих Библий была Библия, называемая Неправедной из-за опечатки, вследствие которой известный стих в Первом послании Павла к Коринфянам звучал так: «Или не знаете, что неправедные Царства Божия наследуют?»; Порочная Библия, изданная Баркером и Лукасом в 1632 году, в которой из седьмой заповеди пропала частица «не», и теперь она читалась «желай жены ближнего твоего»; Библия Проклинающая («проклинаю» вместо «заклинаю»), Библия Паточная («разве нет патоки в Гилеаде?»), Библия Стоящих Рыб («И будут стоять подле него рыболовы» превратилось в «И будут стоять подле него рыбы»), Библия Крестозадвижения и так далее. Азирафель собрал их все. Даже самую редкую – Библию, изданную в 1651 году в Лондоне Билтоном и Скэггсом.

Издание этой Библии было первым из трех крупных просчетов, которые привели к банкротству их издательства.

Изданная ими Библия получила название «Библия Далеко Посылающая». Пространная ошибка наборщика, если это можно так назвать, вкралась в книгу пророка Иезекииля, главу 48, стих пятый (орфография, для удобочитаемости, современная):

2 Подле границы Дана, от восточного края до западного, это один удел Асиру.

3 Подле границы Асира, от восточного края до западного, это один удел Неффалиму.

4 Подле границы Неффалима, от восточного края до западного, это один удел Манассии.

5 Да пошло Оно Все во все эти Уделы, воистину достало меня стоять за этим Столом. Хозяин Билтонн Слова не держит, Хозяин же Скэггс Скряга отменный, и Скупердай, Псу подобный оголодавшему. Истинно говорю Вам, в день такой каждый из Вас, в ком есть Мозгов на полмеры, на Солнышко вылезет, а не будет Торчать здесь весь Божий день за Рухлядью этой, за Набором этим, в три Предела, четыре Края, пять Границ

НА *****!

6 Подле границы Ефрема, от восточного края до западного, это один удел Рувиму.⁹

⁹ Библия Далеко Посылающая была известна также тем, что в ней, в третьей главе Бытия, было двадцать семь стихов вместо канонических двадцати четырех (см. след. стр.). За стихом 24, который в каноническом тексте звучит так: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» следует: **25 И обратился Господь Бог к Ангелу, что охранял врата восточные, говоря: Где пламенный меч твой, что был дан тебе? 26 И сказал Ангел: Только что был здесь, наверное, лежит где-нибудь, я скоро голову свою с вами**

Второй крупный просчет издательского дома Билтона и Скэггса случился в 1653 году. По неимоверно счастливой случайности им в руки попался один из пресловутых «Утраченных ин-кварто», то есть трех пьес Шекспира, которые не вошли в издание ин-фолио и признавались безнадежно утраченными как в ученых кругах, так и в среде театралов. До нас дошли только их названия. Та, которую приобрели Билтон и Скэггс, называлась «Комедия о Робинь Гуде, или Шервудский лесъ»¹⁰.

Хозяин Билтон уплатил за книжечку ин-кварто почти шесть гиней и рассчитывал выручить едва ли не вдвое больше за переиздание ин-фолио в твердой обложке.

Потом он ее потерял.

Причину своего третьего крупного просчета не смогли понять даже сами Билтон и Скэггс. Куда ни глянь, пророчества брали нарасхват. Перевод «Центурий» Нострадамуса на английский только что переиздали в третий раз, и по всей Англии при полных залах шли гастроли по меньшей мере пяти Нострадамусов, каждый из которых утверждал, что он – единственный настоящий. И «Собрание пророчеств» матушки Шиптон тоже разбирали с лету.

Во всех крупных лондонских издательствах – а их было восемь – вышло хотя бы по одной книге прорицаний.

Каждое из этих изданий страдало чудовищными неточностями, но благодаря присущей им всем атмосфере недоговоренности и универсального всеведения, все они стали неимоверно популярны. Их раскупали тысячами и десятками тысяч.

– **Воистину это что денги печатать!** – сказал хозяин Билтон хозяину Скэггсу¹¹. – **Народу потребна сия белибердень! Нужно и намъ срочно разыскать колдунью и напечатать томъ ея пророчествъ!**

На следующее утро к их дверям была доставлена рукопись, автор которой, как обычно, точно рассчитал время.

И хотя ни хозяин Билтон, ни хозяин Скэггс этого не знали, та рукопись, которую им прислали, была единственной книгой во всей истории человечества, состоящей из абсолютно точных прогнозов на следующие триста сорок с чем-то лет. И эти прогнозы точно и аккуратно описывали все события, кульминацией которых станет Армагеддон. Все, до мельчайших деталей.

Билтон и Скэггс выпустили ее в сентябре 1655 года, как раз к предрождественской распродаже¹², и она стала первой книгой в истории Англии, тираж которой остался нераскупленным.

Ее не покупали.

Ее не покупали даже в крохотной книжной лавке в Ланкашире, где рядом с ней гордо красовалась вывеска «**Ланкаширскій авторъ!**».

Автор книги, некая Агнесса Псих, ничуть не была этим удивлена. Хотя трудно представить себе, что могло удивить Агнессу Псих.

А вообще-то она писала свою книгу не для того, чтобы ее раскупали или чтобы получить гонорар. Даже не для того, чтобы прославиться.

---

*потеряю.*²⁷ И Господь не спрашивал его больше. Судя по всему, эти стихи попали в текст уже при вычитке. В те времена общепринятой практикой печатников было вывешивать гранки перед входом в типографии, для вящего просвещения народа и бесплатной вычитки, и лишь поскольку весь тираж в конце концов пошел в печку, никто не обращался с вопросами по этому поводу к некому господину А. Зирафелю, который держал книжную лавку по соседству, всегда любезно помогал с переводами и чей почерк был легко узнаваем.

¹⁰ А две другие называются «Унесенные ураганом» и «Возвращение принца Датского».

¹¹ У которого были свои соображения на этот счет, и после их воплощения в жизнь он последние несколько лет жизни провел в Ньюгейтской тюрьме.

¹² Еще один великолепный маркетинговый ход: пуританский парламент Кромвеля объявил Рождество вне закона в 1654 году.

Она написала ее для того, чтобы получить единственный авторский экземпляр, на который имел право автор.

Никто не знает, что произошло с нераспроданными экземплярами, имя которым было легион. Точно известно, что их нет ни в одном музее, ни в одной частной коллекции. Даже у Азирафеля не было этой книги; более того, его ухоженные руки задрожали бы при одной мысли о том, что она может в них попасть.

Так вот: во всем мире остался только один экземпляр пророчеств Агнессы Псих.

Он стоял на полке в шестидесяти километрах от того места, где в данный момент наслаждались обедом Кроули и Азирафель, и, выражаясь метафорически, в нем как раз начал тикать часовой механизм.

* * *

Было три часа пополудни. Антихрист пришел в мир пятнадцать часов назад, а один ангел и один демон целенаправленно напивались последние три из них.

Они сидели друг напротив друга в задней комнате неуютного с виду магазинчика Азирафеля в самом богемном районе Лондона, в Сохо.

Почти во всех книжных магазинах в Сохо есть задние комнаты. По большей части они заполнены редкими или, по крайней мере, очень дорогими книгами. В книгах Азирафеля не было картинок. У них были старые рыжие обложки и похрустывающие страницы. Изредка, если не было другого выхода, он продавал одну-другую.

Время от времени к нему заходили серьезные мужчины в темных костюмах и очень вежливо осведомлялись, не намерен ли он продать свой магазин, из которого сделали бы торговое заведение, более приличествующее своему окружению. Иногда они предлагали деньги, толстые пачки потрепанных пятидесятифунтовых купюр. А иногда, пока одни говорили с Азирафелем, другие прогуливались по магазину, рассматривали книги из-под темных очков, качали головами и делали туманные намеки на то, что бумага – очень огнеопасный материал, и если что случится, то и пожарные не помогут.

В таких случаях Азирафель кивал, улыбался и говорил, что он подумает над их предложением. И они уходили. *И никогда не возвращались.*

То, что ты ангел – совсем не обязательно означает, что ты еще и дурак.

Стол между ними был уставлен бутылками.

– Я говорю, – Кроули попытался сфокусировать взгляд на Азирафеле. – Я говорю... я говорю...

Он сосредоточился и вспомнил, о чем он говорит.

– Вот о чем я говорю, – радостно заявил он. – О дельфинах. Вот о чем.

– О рыбах? – рассеянно удивился Азирафель.

– Нет-нет-нет, – Кроули погрозил ему пальцем. – Млек-питающие. Как есть млек-питающие. Разница в том... – Он попытался выбраться из трясины собственного сознания на возвышенное сухое место и вспомнить, в чем же, собственно, разница. – Разница в том, что они...

– Для того чтобы спариваться, выходят на сушу? – подсказал Азирафель.

Кроули нахмурился.

– Не думаю. Уверен, что нет. Что-то у них с детенышами. Короче.

Он взял себя в руки.

– Я говорю... *Я говорю.* У них мозги.

Он потянулся за бутылкой.

– Что у них с мозгами? – спросил ангел.

– Большие мозги. Вот что я говорю. Большие. Большие. Большие-большие. А есть еще киты. Мозговые центры, точно говорю. Представляешь, океан, полный мозгов?

– Кракен, – угрюмо заметил Азирафель, уставившись в стакан.

Кроули пристально и холодно посмотрел на него, давая понять, что только что на рельсы его сознания прямо перед паровозом подбросили огромное бревно.

– Что?

– Большущий сукин сын, – пояснил Азирафель. – Под грохотом чудовищных валов. Он в глубине среди поли... среди полип... чтоб их, среди кораллов!... спит. И предположительно всплывет на поверхность, когда закипят моря.

– Ну да?

– Факт.

– Вот такие дела, – Кроули с трудом сел прямо. – Океан кипит, бедные дельфинчики свариваются в уху, и никому до этого нет дела. То же самое с гориллами. Ух ты, скажут они, небо покраснело, звезды падают, что такое добавляют в бананы? А потом...

– Ты знаешь, они выют гнезда. Гориллы.

Азирафель налил себе еще. Это ему удалось с третьей попытки.

– Да ну?!

– Истинная правда. В кино видел. Гнезда.

– Это птицы, – сказал Кроули.

– Гнезда, – настаивал Азирафель.

Кроули решил не настаивать.

– Вот такие дела, – сказал он. – Все создания, большие и мертвые. То есть малые. Большие и малые. И у многих есть мозги. И тут – ба-ДАММ!

– Ты же приложил к этому руку, – сказал Азирафель. – Ты искушаешь людей. Искусно искушаешь.

Кроули стукнул стаканом по столу.

– Это другое. Они не обязаны соглашаться. И в этом-то вся непостижимость. Это ваши придумали. Все бы вам испытывать людей. Вплоть до полного уничтожения.

– Ладно. Ладно. Мне это не больше нравится, чем тебе, но я же говорил: я не могу не повиновы... повинови... не делать, что сказано. Я – анх-хел.

– А в Раю нет театров, – сказал Кроули. – И почти нет кино.

– *Меня* искушать даже не пытайся, – сказал Азирафель несчастным голосом. – Знаю я тебя, змей старый.

– Только представь, – безжалостно продолжал Кроули. – Ты знаешь, что такое вечность? Знаешь, что такое вечность? Нет, скажи, ты знаешь, что такое вечность? Вот смотри: стоит большая скала, представил? В милю высотой. Огромная скала, высотой в милю, на краю Вселенной. И вот каждые тысячу лет – птичка.

– Какая птичка? – с подозрением в голосе спросил Азирафель.

– Такая птичка. И каждую тысячу лет.

– Одна и та же птичка каждую тысячу лет?

– Ну... да, – неуверенно сказал Кроули.

– Нехилый возраст у птички...

– Ладно. И каждую тысячу лет эта птичка летит...

– Ковыляет. С ходунками.

– ...летит к этой скале, и точит себе клюв...

– Постой-ка. Не выйдет. Отсюда до края Вселенной просто куча... – ангел, шатаясь, пома-хал руками, чтобы показать, сколько именно, – куча чего только не! Вот...

– А она все равно туда добирается, – настаивал Кроули.

– Как?!

– Не важно!

– Наверное, в звездолете, – сказал ангел.

Кроули решил несколько ослабить напор.

– Ладно, – сказал он. – Пусть так. Короче, эта птичка...

– Но мы же говорим о *крае Вселенной*, – рассуждал Азирафель. – Так что если это звездолет, тогда такой, из которого на другом конце вылезают твои потомки. Так что ты им должен об этом сказать: «И, взойдя на гору, сделайте вот что...»

Он неуверенно взглянул на Кроули.

– Что им там делать?

– Поточить клюв о камень, – подсказал Кроули. – Потом она летит обратно...

– ...в звездолете...

– А через тысячу лет она прилетает и снова точит себе клюв, – скороговоркой выпалил Кроули.

Над столом повисла особая, нетрезвая тишина.

– Столько сил – только чтобы поточить клюв? – задумчиво произнес Азирафель.

– Дослушай, – упорствовал Кроули. – Смысл в том, что когда птичка сточит скалу до основания...

Азирафель открыл рот. Кроули был просто *уверен*, что он собирается сделать замечание об относительной твердости ороговевших тканей птичьего клюва и гранитных скальных пород, и рванулся в атаку.

– ...обязательный просмотр «Звуков музыки» еще не закончится!

Азирафель замер.

– А ты будешь получать от этого удовольствие, – неумолимо продолжал Кроули. – Искреннее удовольствие.

– Милый мой, но...

– Выбора у тебя не будет.

– Но послушай...

– Вкус у Рая отсутствует начисто.

– Но...

– И ни одного японского ресторана. Даже суши-баров нет.

По внезапно посерьезневшему лицу ангела скользнула гримаса боли.

– Мне это не под силу, когда я пьян, – сказал он. – Ты как хочешь, я трезвею.

– Я тоже.

Оба зажмурились, пережидая, пока алкоголь улетучится из организма, и сели прямее. Азирафель поправил галстук.

– Я не могу вмешиваться в божественный план, – хрипло сказал он.

Кроули несколько секунд задумчиво созерцал стакан, а потом вновь наполнил его.

– А в дьявольский можешь? – спросил он.

– Прошу прощения?

– Так ведь это дьявольский план, разве нет? Мы по нему работаем. В смысле – наши работают.

– Ну, конечно, только он – часть общего *божественного* плана, – сказал Азирафель. – Вы просто ничего не можете сделать, если это не является частью непостижимого божественного плана, – добавил он с ноткой самодовольства в голосе.

– Ага, как же!

– Нет, в этом-то все и дело, если зреть... если... – Азирафель раздраженно щелкнул пальцами. – Как это ты любишь выражаться? В сухом осадке.

– В сухом остатке.

– Да, именно так.

– Ну... если ты в этом так уверен, – сказал Кроули.

– Абсолютно.

Кроули лукаво взглянул на Азирафеля.

– Значит, ты не можешь быть уверен – поправь меня, если я ошибаюсь, – ты не можешь быть уверен, что противостоять ему не является частью этого самого плана. Я хочу сказать, предполагается, что ты выступишь дьявольским кознем на каждом шагу, разве нет?

Азирафель колебался.

– В общем, да...

– Как увидишь козни, сразу им выступишь. Правильно?

– Ну, в широком смысле, конечно. На самом деле я подвигаю людей, чтобы козням противостояли они. Непостижимость, ты же понимаешь.

– Именно, именно. Значит, все, что тебе нужно делать, – это противостоять козням. Потому что, если я хоть что-нибудь понимаю, рождение – это только начало. Важно воспитание. Влияние. Иначе ребенок никогда не научится использовать свои силы. – Он запнулся. – Во всяком случае, именно так, как предполагалось.

– Разумеется, наши не будут возражать против того, чтобы я расстраивал твои планы, – задумчиво произнес Азирафель. – Совсем не будут.

– Именно. Еще одно перышко в крыло добавят.

Кроули подмигнул Азирафелю.

– Что же случится, если ребенок не будет воспитан в сатанинском духе? – размышлял Азирафель.

– Может быть, ничего. Он ни о чем и не узнает.

– Но наследственность...

– Не надо мне про наследственность. Она-то тут при чем? – наседали на него Кроули. – Посмотри на Сатану. Создан ангелом, вырос Главным Врагом. Если уж говорить про генетику, можно с таким же успехом утверждать, что малыш вырастет ангелом. В конце концов, его отец в прежние времена занимал немалый пост в небесах. Так что говорить, что он вырастет демоном только потому, что его папаша демоном *стал*, – все равно что считать, что если отрезать мыши хвост, она будет рожать бесхвостых мышей. Нет. Воспитание – это все. Можешь мне поверить.

– А без не встречающего сопротивления сатанинского влияния...

– Ну, в худшем случае Преисподней придется все начать заново. И у Земли будет по меньшей мере еще одиннадцать лет. Стоит того, чтобы попытаться, а?

Азирафель снова задумался.

– Так ты говоришь, в самой природе ребенка не заложено зла? – медленно проговорил он.

– В нем заложена *возможность* зла. И, точно так же, возможность добра – скорее всего. Всего лишь две могущественные возможности, дожидаящиеся своего часа, – пожал плечами Кроули. – В любом случае, почему мы говорим о *добре* и *зле*? Это всего лишь названия команд. Мы-то знаем.

– Думаю, следует попытаться, – сказал ангел. Кроули одобряюще кивнул.

– Договорились? – спросил он, протягивая руку.

Ангел осторожно пожал ее.

– Это наверняка будет поинтереснее, чем возиться со святыми, – сказал он.

– И, в конечном итоге, это все для его же блага, – сказал Кроули. – Мы этому младенцу будем как крестные отцы. Можно сказать, будем руководить его религиозным воспитанием.

Азирафель просиял.

– Ты знаешь, мне это даже в голову не приходило, – сказал он. – *Крестные* отцы. Будь я проклят.

– Это не так страшно, – заметил Кроули. – Когда привыкнешь.

* * *

Ее звали Ала Рубин. Сейчас она торговала оружием, хотя это начинало ей приедаться. Она никогда не занималась одним и тем же делом слишком долго. Три, ну максимум четыре сотни лет. Нельзя же всю жизнь идти по одной проторенной дорожке.

Ее волосы были настоящего медного цвета, не рыжего и не рыжеватого, но глубокого цвета гладкой меди, и она носила их длинными, так что локоны спускались до пояса, и за эти локоны мужчины были готовы на убийство, и нередко решались на него. У нее были удивительные глаза – оранжевые. На вид ей было лет двадцать пять, и она оставалась такой очень, очень давно.

У нее был пыльный, кирпично-красного цвета, фургон, набитый самым разнообразным оружием, и просто невообразимый талант пересекать на этом фургоне любую границу мира. Сейчас она направлялась в маленькую страну в Западной Африке, где как раз шла не имеющая особого значения гражданская война, чтобы доставить туда свой товар. В результате не имеющая особого значения гражданская война могла, при определенном везении, стать войной, имеющей особое значение. К несчастью, ее фургон сломался. Причем так, что даже она не могла его починить.

А она, в эти-то дни, отлично умела обращаться с техникой.

В данный момент она стояла в центре города¹³. Город, о котором идет речь, был столицей Кумболаленда, одной африканской страны, в которой не было войн вот уже три тысячи лет. Одно время, лет тридцать из этих трех тысяч, эта страна именовалась Сэр-Хамфри-Кларксон-лендом, но поскольку в ней не было абсолютно никаких полезных ископаемых, а ее стратегическое значение не превышало стратегического значения связки бананов, переход к независимости совершился просто с неприличной быстротой. Кумболаленд был бедной и, безусловно, на редкость скучной, но зато мирной страной. Племена, населявшие его, жили дружно и вполне счастливо и давным-давно перековали мечи на орала; в 1952 году, правда, на главной площади столицы подрались пьяный погонщик скота и не менее пьяный похититель скота. Эту драку вспоминали и по сей день.

Ей было жарко. Она зевнула, обмахнулась широкополой шляпой, бросила неподвижный фургон посреди пыльной улицы и отправилась в бар.

Она попросила банку пива, проглотила ее одним глотком и широко улыбнулась бармену.

– Мне нужно отремонтировать фургон, – сказала она. – Есть здесь кто-нибудь, с кем это можно обсудить?

Бармен улыбнулся в ответ – широко, белозубо, роскошно. На него произвел впечатление ее способ употребления пива.

– Только Натан, мисси. Но Натан уехал в Каунду, к тестю на ферму.

Она взяла себе еще пива.

– Значит, Натан. Не знаешь, когда вернется?

– Может, через неделю. Может, через две. Дорогая мисси, этот Натан, он бездельник и плут, а?

Он наклонился к ней через стойку.

– Мисси ездит одна? – спросил он.

– Да.

– Опасно, а? На дорогах нынче странные люди, плохие люди. *Не местные*, – быстро добавил он.

---

¹³ Городом он считался только формально. Размером он был с большую деревню в Англии или, переходя на американскую систему мер, с небольшой супермаркет.

Ала подняла бровь. Бровь была безупречна.
Несмотря на жару, бармена бросило в дрожь.

– Спасибо за предупреждение, – промурлыкала она.

При звуках ее голоса на ум приходило нечто притаившееся в высокой траве, заметное только по дрожанию кончиков ушей и ожидающее, пока рядом, по неосторожности, не пройдет что-нибудь молодое, нежное, сочное.

Она небрежно прикоснулась к шляпе, прощаясь с барменом, и неторопливо вышла наружу.

Жаркое африканское солнце обрушилось на нее. Фургон, набитый оружием, боеприпасами и противопехотными минами, все так же неподвижно стоял посреди улицы.

Ала задумчиво посмотрела на него.

На крыше фургона сидел стервятник. Он следовал за ней уже три сотни миль. Он посмотрел на нее и тихонько рыгнул.

Она огляделась вокруг: на углу оживленно болтали женщины; скучный торговец сидел перед грудой раскрашенных бутылей из тыкв, изредка отгоняя мух; дети лениво возились в пыли.

– Какого черта, – спокойно сказала она. – Устроим себе праздник.

Это было в среду.

В пятницу город был объявлен закрытой зоной.

Через неделю экономика Кумбоаленда была окончательно развалена, двадцать тысяч человек убито (включая бармена, которого пристрелили повстанцы, штурмуя баррикады на рынке), почти сто тысяч – ранено, весь ее ассортимент оружия выполнил свои штатные функции, а стервятник умер от скоротечного ожирения.

А она уже сидела в последнем поезде, который выпустили из Кумбоаленда. Пора двигаться дальше, думала она. Она и так уже слишком долго торговала оружием. Ей хотелось перемен, причем с возможностями карьерного роста. К примеру, она вполне могла представить себя в роли журналистки. Неплохая идея. Она обмахнулась шляпой и вытянула длинные ноги.

Где-то в поезде вспыхнула потасовка. Ала Рубин усмехнулась. Люди всегда дрались, воевали и убивали друг друга вокруг нее – и из-за нее. Что, безусловно, было приятно.

* * *

У Соболя были черные волосы, аккуратно подстриженная черная бородка и намерение основать компанию.

Он пригласил своего бухгалтера выпить.

– Как у нас дела, Фрэнни? – спросил он ее.

– Уже продано двадцать миллионов экземпляров. Невероятно.

Они сидели в ресторане, который назывался «Три шестерки», на верхнем этаже дома номер 666 по Пятой авеню в Нью-Йорке. Название это почти не казалось Соболю забавным. Из окон ресторана был виден весь Нью-Йорк, а по ночам весь Нью-Йорк имел возможность наблюдать огромное красное «666» на всех четырех стенах небоскреба. Хотя это, конечно, был всего-навсего номер дома. Если начать считать, в конечном итоге доберешься и до него. Но все равно забавно.

Соболь и его бухгалтер пришли сюда сразу из маленького, дорогого и чудовищно престижного ресторана в Гринич-Виллидж, где подавали только блюда *новой* французской кухни, к примеру: фасолину, горошину и пару волокон курячьей грудки, изящно разложенные по квадратной тарелке из тонкого фарфора.

Соболь избрал новую французскую кухню в последний свой приезд в Париж.

Его спутница слизнула курятину с двойным овощным гарниром меньше чем за пятьдесят секунд и остальное время за обедом провела, разглядывая тарелку, столовое серебро и, время от времени, остальных посетителей ресторана. В ее взгляде ясно читалось желание попробовать их на вкус, что, кстати, соответствовало истине. Это неимоверно забавляло Соболя.

Он повертел в руках бокал с минеральной водой «Перье».

– Двенадцать миллионов... Неплохо, а?

– Это *великолепно*.

– Значит, мы основываем компанию. Время играть по-крупному, верно? Я думаю, начнем с Калифорнии. Мне нужны заводы, рестораны, полной мерой. Издательский отдел у нас останется, но пора заняться и новыми направлениями. Как считаешь?

Фрэнни кивнула.

– Отлично, Вран. Нам понадобится...

Ее фразу прервало явление скелета. Скелет был одет в платье от Диора, над которым виднелся череп, обтянутый загорелой кожей так туго, что она, казалось, вот-вот порвется. Скелет был блондинкой с искусно накрашенными губами. Она идеально подходила для того, чтобы заботливые родители во всем мире могли показывать на нее и шептать детям: «*Вот* что с тобой будет, если ты не будешь есть овощи»; она словно сошла с плаката «Помоги голодающей Африке!», который по ошибке заказали модному салонному фотографу.

Это была нью-йоркская топ-модель, и в руках у нее была книга, на которой красовалась фамилия Соболя, вытисненная серебряной фольгой. Она сказала:

– Ах, извините, мистер Соболя, простите, что я вас прерываю, но ваша книга – она изменила всю мою жизнь, и не могли бы вы ее подписать для меня?

Она умоляюще уставилась на него глазами, глубоко запавшими в тщательно подведенные глазницы.

Соболя благосклонно кивнул и взял книгу.

Ничего удивительного в том, что она его узнала: с фотографии на обложке смотрели его темно-серые глаза. Книга называлась «Диета без еды: Похудей красиво!» И чуть ниже подзаголовок: «Лучший курс для похудения за все столетие!»

– Как пишется ваше имя? – спросил он.

– Шеррил. Две «р», одно «л».

– Вы похожи на одного моего старого доброго приятеля, – сказал он ей, быстро и аккуратно строча на титульной странице.

– Вот, держите. Рад, что вам понравилось. Так приятно встречаться с поклонниками.

Вот что он ей написал.

Шеррил, хиникс тиеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай. Откр. 6:6.

Д-р Вран Соболя

– Это из Библии, – пояснил он.

Она почтительно закрыла книгу и попятилась от стола, шепча, как она благодарна Соболю, он даже и не знает, как много это для нее значит, он изменил всю ее жизнь, точно изменил...

На самом деле он никогда не получал степени доктора медицины, на которую претендовал, потому что тогда еще не было университетов и академий. Однако он все равно видел, что она умирает с голоду. Он дал бы ей еще пару месяцев, не больше. Избавьтесь от лишнего веса. Навсегда.

Фрэнни с жадностью вцепилась в компьютер и занялась планированием следующего этапа тех преобразований, которые Соболя намеревался привнести в рацион питания запад-

ного мира. Соболев сам подарил ей этот ноутбук. Он был очень, очень дорогой, очень мощный, супертонкий и очень изящный. А ему нравились именно изящные вещи.

– Есть европейская компания, которую мы можем приобрести для зацепки: группа компаний «Корпорация “Холдинг”». Тогда у нас будет налоговая база в Лихтенштейне. Теперь, если мы проводим фонды через Каймановы острова в Люксембург, а оттуда в Швейцарию, мы можем оплатить заводы в...

Но Соболев уже не слушал. Он погрузился в приятные воспоминания о том престижном ресторанчике, в котором они обедали. Ему пришло в голову, что он никогда еще не видел столько очень богатых и очень голодных людей в одном месте.

Соболев ухмыльнулся. Это была честная, широкая ухмылка, с сознанием просто идеально выполненного долга.

Он просто убивал время в ожидании главного мероприятия, но при этом он убивал его такими изысканными способами. Время, ну и людей иногда.

* * *

Иногда его звали Уайт, иногда Бланк, иногда Альбус, Вайсс, Белов – любимым из сотен прочих имен. Он был светлокожий светлоглазый блондин. С первого взгляда ему было чуть больше двадцати, а потом, как правило, никто на него и не глядел.

Его было почти невозможно запомнить.

В отличие от двух своих коллег, он никогда не задерживался ни на одной работе слишком долго.

Зато он работал с интересными людьми в интересных местах.

(Он работал в Чернобыле и на атомных электростанциях Селлафилд и Три-Майл-Айленд, всегда на подхвате, никогда не вылезая в руководство).

Он внес скромный, но высоко оцененный вклад в ряд научных разработок (помог создать двигатель внутреннего сгорания, некоторые виды новых пластмасс, а также банку с кольцом на крышке).

Он был на все руки мастер.

Впрочем, его никто не замечал. Он вел себя очень скромно, но его присутствие всегда сказывалось впоследствии, причем все сильнее и сильнее. Если тщательно подумать, можно было определить, к чему он приложил руку и где он был. Может быть, он говорил и с вами. Но мистера Уайта так легко забыть.

Сейчас он работал палубным матросом на нефтяном танкере, который шел в Токио.

Капитан пил в своей каюте. Танкером управлял первый помощник. Второй помощник сидел на камбузе. Собственно, это и была почти вся команда: танкер был полностью автоматизированным судном. Человеку на нем, можно сказать, почти нечего делать.

Однако, если бы некий человек вдруг зашел на мостик и случайно нажал на кнопку «Аварийный сброс груза», автоматика танкера позаботилась бы о том, чтобы немедленно слить огромное количество черной слизи, миллионы тонн сырой нефти, прямо в море. Это, разумеется, самым чудовищным образом повлияло бы на растения, птиц, рыб, зверей и людей данного региона. Конечно, танкер был оснащен десятками аварийных блокираторов и защищенных от ошибок персонала резервных систем, так что с того? Обычное дело.

После случившегося много спорили, кто же в действительности виноват. Виновника, однако, так и не установили и возложили вину на всех поровну. Ни капитан, ни первый помощник, ни второй помощник больше никогда не ходили в море.

Почему-то никто не вспомнил о матросе Уайте, который был уже на полпути в Индонезию на борту грузового парохода, специально нанятого для перевозки партии ржавых бочек с особенно токсичным гербицидом.

* * *

И был Еще Один. Он был на главной площади столицы Кумболаленда. И в ресторане. И в рыбе, и в воздухе, и в бочках с гербицидом. Он был на дорогах, в домах, во дворцах и хижинах.

Нет места, где он был бы чужим, и уйти от него невозможно. Он делал то, что умел делать лучше всего, и то, что он делал, было тем, чем он был.

Он не проводил время в ожидании. Он работал.

* * *

Гарриет Даулинг вернулась домой вместе с сыном. По совету сестры Веры Нуден, которая оказалась более настойчивой, чем сестра Мэри, и с согласия мужа, полученного по телефону, она назвала его Магом.

Атгаше по культурным связям вернулся домой через неделю и заявил, что малыш – точная копия всех его предков. А еще поручил секретарю дать объявление о поиске няни в «Леди», самом старом британском журнале для женщин.

Однажды на Рождество Кроули посмотрел «Мэри Поппинс» по телевизору (кстати, он приложил руку практически ко всей ТВ-индустрии, не слишком явно, разумеется; больше всего он гордился изобретением игровых шоу). Поначалу его развлекла идея применить ураган в качестве эффективного и невероятно стильного способа избавиться от стаи нянечек, которая, безусловно, будет кружить над лужайкой перед резиденцией мистера Даулинга в Риджентс-Парк, ожидая разрешения на посадку.

Однако он сдержался, ограничился несанкционированной забастовкой работников метро, и в результате к назначенному сроку явилась всего одна няня.

Трикотажный твидовый костюм и скромные жемчужные серьги – что-то в ней говорило о том, что она действительно няня. Это что-то, однако, выражалось с неким подтекстом – так обычно говорят английские дворецкие в известного сорта американских фильмах. Еще нечто сдержанно покашливало и невнятно намекало на то, что она вполне может оказаться из тех нянечек, которые предлагают свои не оговоренные, но вполне недвусмысленные услуги в известного сорта журналах.

Ее туфли без каблучков скрипели на посыпанной песком дорожке перед домом. Рядом с ней безмолвно трусил серый пес, и белая слюна капала с его челюстей. Глаза у него светились алым, и он окидывал окрестности голодным взглядом.

Она подошла к тяжелой двери, коротко и удовлетворенно улыбнулась и потянула за шнурок звонка. Угрюмый удар колокола послышался в доме.

Дверь открыл дворецкий, что называется, старой школы¹⁴.

– Я няня Ашторет, – сказала она. – А это, – продолжала она, кивнув на пса, который внимательно разглядывал дворецкого, возможно, прикидывая, где он зароет кости, – это Пират.

Пес остался в саду, а она без заминки прошла собеседование, и миссис Даулинг повела ее знакомиться с ее новым подопечным.

Няня Ашторет неприятно улыбнулась.

– Какой прелестный ребенок, – сказала она. – Скоро ему понадобится трехколесный велосипед.

По очередной странной случайности в тот же день в доме появился еще один новый работник. Это был садовник, причем, как оказалось, на удивление хороший садовник. Никто

---

¹⁴ Вечерняя школа неподалеку от Тотнем-Корт-Роуд. Занятия в ней ведет престарелый актер, который играл английских дворецких в кино, театре и на телевидении начиная с 1920-х годов.

не мог понять, в чем причина, но он, похоже, вообще не брался за лопату и даже не делал попыток избавиться от многочисленных птичьих стай, которые вдруг облюбовали сад и рассаживались по веткам при малейшей возможности. Он просто сидел в тенечке, а все вокруг него цвело, как будто само собой.

Когда Маг подрос настолько, что мог ковылять самостоятельно, он приходил к нему, если няня Ашторет брала выходной и отлучалась по своим делам.

– Вот братец Слизняк, – говорил ему садовник, – а этот малыш – братец Колорадский Жук. Всегда помни, Маг, что на широком жизненном пути, на всех его дорогах и тропках, надо любить и уважать все сущее.

– А няня говофит, фто ффе фуффее надо только давить и гнетать, дядя Ффанцифк, – замечал Маг, гладил братца Слизняка и добросовестно вытирал руку о комбинезон с лягушонком Кермитом из «Маппет-шоу» на кармашке.

– Не слушай ты эту женщину, – обычно говорил Франциск. – Ты меня слушай.
По вечерам няня Ашторет пела Магу песенки.

По склону вверх король повел
Полки своих стрелков.
И сокрушил все народы мира
И отдал их под власть Сатаны,
владыки нашего.

Эта свинка отправилась в Ад,
Эта свинка осталась дома,
Эта свинка ела парную человечину,
Эта свинка насилровала девственниц,
А эта свинка взобралась на кучу трупов
и была выше всех.

– А дядя Ффанцифк гофовит, я доффен беффаветно и цефомудфенно фюбить ффе фуффее, – говорил Маг.

– Не надо слушать этого *дядю*, – шептала тогда няня и поплотнее укрывала его одеяльцем. – Слушай меня.

И вот так оно и шло.

Договоренность работала великолепно. Счет так и не был открыт. Няня Ашторет купила Магу трехколесный велосипед, но не смогла убедить его покататься на нем в доме. А Пирата Маг просто боялся.

Кроули и Азирафель наблюдали за происходящим издали и обменивались впечатлениями, встречаясь на верхних этажах автобусов, в художественных галереях и на концертах. При встрече они сравнивали свои достижения и улыбались.

Когда Магу было шесть, няня Ашторет уехала и забрала с собой Пирата; в тот же день уволился и садовник. Уходили они совсем не такой легкой походкой, какой шесть лет назад пришли сюда.

Теперь Мага учили два преподавателя.

Мистер Гаррисон рассказывал ему про Аттилу, Влада Дракулу, и Непостижимую Тьму Человеческой Души¹⁵. Он пытался научить Мага, как преуспеть в искусстве грубой демагогии и завоевать сердца и умы миллионов.

---

¹⁵ Он избегал упоминаний о том, что Аттила любил свою матушку, а Влад Дракула пунктуально начинал каждый день с молитвы.

Мистер Кортеше рассказывал ему про Флоренс Найтингейл,¹⁶ Авраама Линкольна и понимание искусства. Он пытался привить своему ученику уважение к свободе воли, самопожертвованию и другим людям и научить его, чтобы во всем, как хотел он, чтобы с ним поступали люди, так поступал бы и он с ними.

И тот, и другой широко использовали примеры из текста Откровения.

Несмотря на все их усилия, Маг проявлял удручающе хорошие математические способности. И ни тот, ни другой из его учителей не были полностью удовлетворены его успехами.

Когда Магу было десять, ему нравился бейсбол; ему нравились пластмассовые роботы, которые, если повернуть вот здесь и нажать вот здесь, превращаются в совсем других пластиковых роботов, которых может отличить от первых только самый искушенный знаток; ему нравились его коллекция марок, банановая жвачка, комиксы, мультики и вседорожный велосипед «BMX».

Кроули забеспокоился.

Они сидели в кафе в Британском музее, еще одном прибежище для усталых солдат на фронтах холодной войны. За столиком слева два американца в штатском, но с военной выправкой, тайком передавали кейс, полный неучтенных в бюджете долларов, маленькой даме в темных очках; за столиком справа заместитель начальника Седьмого отдела Управления военной разведки и руководитель местного отделения КГБ спорили, кто заберет квитанцию, оплатив чай с булочками.

Наконец, Кроули сказал то, что ни один из них не решался сказать последние десять лет.

– Я лично так считаю, – сказал он ангелу, – он, чтоб его, слишком *нормальный*.

Азирафель сунул в рот очередной кусочек яйца в остром соусе «эль дьябло», запил его глотком кофе и промокнул губы бумажной салфеткой.

– Это мое хорошее влияние, – лучезарно улыбнулся он. – Точнее – им следует отдать должное – моей маленькой команды.

Кроули покачал головой.

– Это я учитываю. Но смотри: на данный момент он уже должен пытаться изменять мир вокруг себя, подгонять его под свои желания, творить его по своему образу и так далее. Даже не то чтобы *пытаться*. Он будет делать это, сам того не замечая. А ты видел хоть *какие-нибудь* признаки этого?

– Ну, вообще-то нет, но...

– Он уже должен стать средоточием грубой силы. И что, стал?

– Во всяком случае, я этого не заметил, но...

– Он слишком нормальный. – Кроули побарабанил пальцами по столу. – Мне это не нравится. Что-то здесь не так. Никак не могу понять, в чем тут загвоздка.

Азирафель переложил на свою тарелку кусок торта «Сердце ангела» с тарелки Кроули.

– Мальчик еще растет. Ну и потом, на него влияли Силы Небесные.

Кроули вздохнул.

– Просто хотелось бы верить, что он знает, как справиться с адским псом.

Азирафель поднял бровь.

– С адским псом?

– Ему исполняется одиннадцать. Вчера ночью я получил послание из Ада.

Послание передали в середине очередной (неимоверно смешной, как обычно) серии любимого сериала Кроули «Будем здоровы!». Бармену Вуди понадобилось десять минут, чтобы изложить простейшее сообщение, и к тому моменту, когда возобновилось не-адское вещание, Кроули полностью потерял представление о сюжете.

¹⁶ Не упоминая о сифилисе.

– Они посылают адского пса, чтобы он шел с ним рядом и защищал его от всех напастей. Самого крупного, какого только нашли.

– А что скажут люди, если вдруг откуда ни возьмись появится огромная черная собака? Хотя бы даже его родители.

Кроули вдруг вскочил, наступив на ногу болгарскому атташе по культурным связям, который вел оживленную беседу с хранителем древностей Ее Величества.

– Никто не заметит ничего необычного. Это же реальность, ангел мой. А юный Маг может делать с ней *все*, что захочет, догадывается он об этом или нет.

– Так когда она появится, эта собака? Кличка у нее есть?

– Я тебе уже сказал: в день его рождения, когда ему исполнится одиннадцать. В три часа пополудни. Пес как бы настроится на хозяина. А кличку мальчик должен дать сам. Это очень важно, чтобы он сам назвал его. Тогда у пса будет цель. Я думаю, малыш назовет его Палач, или Террор, или Хватай-Терзай.

– Ты там будешь? – как бы вскользь спросил ангел.

– Еще как буду, – сказал Кроули. – Надеюсь, что с мальчиком все не слишком плохо. В любом случае посмотрим, как он среагирует на пса. Тогда что-нибудь да выяснится. Я *надеюсь*, что он его отошлет обратно или хотя бы испугается. Если он даст ему кличку, все пропало. Он будет в полной силе, а Армагеддон – сразу за углом.

– Ну что ж, – проронил Азирафель, пригубив вино (которое только что из слегка отдающего уксусом «божол» стало вполне приемлемым, но очень удивленным «шато-лафит» урожая 1875 года), – там и увидимся.

Среда

Над Лондоном нависла дымная августовская жара.

Гостей на одиннадцатом дне рождения Мага было множество.

Там было двадцать мальчиков и семнадцать девочек. Там было много коротко стриженных блондинов в одинаковых темно-синих костюмах и с кобурами. Там была толпа официантов, которые привезли мармелад, печенье и чипсы. Во главе процессии грузовиков гордо ехал антикварный «Бентли».

«Удивительные Гарви и Ванда» (*Детские праздники – наш профиль!*), однако, не приехали. У них вдруг приключилось расстройство желудка. К счастью, очень удачно, хотя и неожиданно, тут же нашлась замена – иллюзионист.

У всех есть свое хобби. Как его ни отговаривал Кроули, Азирафель намеревался продемонстрировать свое.

Он очень гордился своими магическими способностями. В 1870-х годах он даже брал уроки у знаменитого Джона Маскелина и больше года практиковался в ловкости рук и фокусах с исчезновением монеты и выуживанием кроликов из шляп. Ему казалось, он весьма в этом преуспел. Проблема, однако, была в том, что хотя Азирафель был способен на трюки, при виде которых небезызвестный Кружок Волшебников тут же удрученно сдал бы свои волшебные палочки в музей, он никогда не применял свои, так сказать, *скрытые* таланты при демонстрации ловкости рук. Это грозило крупными неприятностями. Азирафель начинал жалеть, что бросил репетиции.

Хотя, размышлял он, это все равно что ездить на велосипеде – разучиться невозможно. Волшебная мантия немного запылилась, но сидела по-прежнему безупречно. Он даже смог вспомнить некоторые выражения, приличествующие случаю.

Дети смотрели на него с выражением нескрываемого и презрительного непонимания. Кроули, напяливший белую куртку официанта, выглянул из-за стойки с чипсами и поежился – ему стало неловко за бедного ангела.

– Итак, юные господа и дамы, перед вами этот старый цилиндр! Что за отвратительная шляпа, скажете вы!? Как видите, в ней ничего нет. О, подождите-ка, а это что за подозрительный субъект? Ба, да это наш мохнатый дружок, кролик Гарри!

– Он был у вас в кармане, – Маг пальцем показал на фокусника.

Остальные дети согласно кивнули. За кого он их держит? За малышку?

Азирафель вспомнил, что говорил Маскелин по поводу реплик из зала.

– Обратите все в шутку, недотепы, – говорил он, обращаясь к своим ученикам, – и вас, мистер Пергамент (Азирафель тогда взял себе именно это имя), я тоже имею в виду! Заставите их смеяться – они все вам простят!

– Ха-ха-ха, вы разгадали фокус со шляпой, – добродушно рассмеялся он.

Дети бесстрастно смотрели на него.

– Полное фуфло, – сказал Маг. – А я мультики хотел.

– И он прав, – согласилась малышка с хвостиком на затылке. – Вы полное фуфло. А может, и гомосек к тому же.

Азирафель в отчаянии оглянулся на Кроули. По его мнению, юный Маг без всякого сомнения подвергся тлетворному inferнальному влиянию, и чем скорее объявится Черный Пес и можно будет убраться отсюда, тем лучше.

– Хорошо, а нет ли у вас при себе, юные друзья мои, монеты в три пенса? Нет, дружок? А что это у тебя за ухом?..

– У меня на дне рождения были мультики, – заявила юная особа с хвостиком. – А еще трансформер – а еще маленький пони – а еще десептикон-трансформер – а еще...

Кроули застонал. Детские праздники, безусловно, были тем видом мероприятий, само упоминание о котором должно вызывать нервную дрожь у любого ангела, в ком есть хотя бы капля здравого смысла. Визгливые детские голоса стали особенно невыносимы, когда их обладатели пришли в циничный восторг при виде Азирафеля, уронившего три сцепленных кольца.

Кроули отвернулся, и его взгляд упал на стол, заваленный подарками. Посреди стола возвышалась странная пластиковая конструкция, и из нее на Кроули смотрели два маленьких, как бусинки, глаза.

Кроули внимательно изучил их, ища следы красного отблеска. Ни в чем нельзя быть уверенным, когда имеешь дело с адской бюрократией. Всегда остается вариант, что они пришлют тебе тушканчика вместо собаки.

Это и был тушканчик, но самый обычный, и он сидел в замечательной башне из каких-то трубок, шаров и беговых колес. Нечто подобное могли бы придумать испанские инквизиторы, если бы получили доступ к штамповочному прессу.

Он проверил часы. Ему еще ни разу не пришлось в голову заменить батарейку, которая высохла три года назад, но они все равно показывали точное время: без двух минут три.

Азирафель занервничал.

– А нет ли, по чистой случайности, у кого-нибудь из числа уважаемой публики в кармане носового платка? Нет? – Во времена королевы Виктории выйти на улицу без носового платка было немыслимо, а делать фокус с волшебным появлением голубя, который уже исклевал Азирафелю всю руку, без носового платка невозможно. Ангел попытался привлечь внимание Кроули, но это ему не удалось, и он в отчаянии обратился к одному из охранников, который смущенно переступил с ноги на ногу.

– Вот вы, дорогой мой, подойдите-ка сюда. Посмотрите у себя в кармане – я *уверен*, что вы храните там замечательный шелковый платок.

– Нет, сэр. Никак нет, сэр, – отчеканил охранник, глядя прямо перед собой.

Азирафель безнадежно подмигнул ему.

– Ну же, молодой человек, взгляните, *пожалуйста*...

Охранник засунул руку во внутренний карман, на его лице появилось удивленное выражение, и он вытащил оттуда темный платок сине-зеленого цвета, с кружевами по краю.

Азирафель почти сразу же понял, что кружева были лишней деталью, потому что пистолет, который за них зацепился, вылетел из кармана, вращаясь, перелетел через весь зал и тяжело опустился в блюдо с мармеладками.

Дети разразились восторженными аплодисментами.

– А вот это неплохо, – заявила юная особа с хвостиком.

Маг уже ринулся через зал и схватил пистолет.

– А ну, козлы, воткнули руки в небо! – радостно завопил он.

Охрана не знала что делать.

Некоторые полезли за оружием; другие начали осторожно двигаться – кто к Магу, кто от него. Остальные дети принялись жаловаться, что тоже хотят пистолеты, и некоторые, развитые не по годам, уже пытались выхватить их из рук тех охранников, которым хватило ума вытащить их на всеобщее обозрение.

Потом кто-то бросил в Мага мармеладку.

Тот взвизгнул и нажал на спусковой курок. У него в руках был «магнум 32», штатное оружие агента ЦРУ – серое, тяжелое, не понимающее шуток орудие, способное разнести человека в клочки с тридцати шагов, и не оставить от него ничего, кроме кровавого пятна, лишней работы уборщикам и предписанного уставом отчета.

Никто и глазом не успел моргнуть. Кроме Азирафеля.

Из дула «магнума» вылетела тонкая струйка воды, и ударила в спину Кроули, который как раз смотрел в окно, пытаясь разглядеть в саду огромного черного пса.

Азирафель смущенно огляделся.

И ему в лицо ударил кремовый торт.

Было почти пять минут четвертого.

Махнув рукой, Азирафель обратил остальные настоящие пистолеты в водяные и вышел из зала.

Кроули догнал его за воротами, где он рылся в многочисленных складках своего плаща.

– Куда же он делся? – бормотал Азирафель.

– Он в рукаве, – сказал Кроули, и вытащил на свет быстро остывающий и весьма потрепанный птичий трупик. – Вот что получается, когда фокусы продолжаются слишком долго.

Он вдохнул жизнь в голубя, тот что-то благодарно проворковал и, осторожно оглядываясь, улетел.

– Да не голубь, – раздраженно сказал ангел. – Пес. Его до сих пор нет.

Кроули задумчиво покачал головой.

– Посмотрим.

Он открыл дверку машины и включил радио. – *...выбросить тебя из головы, и не выбросить тебя из головы*, – защебетала Кайли Миноуг, – *выбросить тебя из ПРИВЕТ, КРОУЛИ*.

– Привет. Алло, кто это?

– *ДАГОН, ПОВЕЛИТЕЛЬ МУК, ХРАНИТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ДЕЛ, ПОДКНЯЖИЙ СЕДЬМОГО КРУГА. ЧЕМ МОГУ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН?*

– Адский пес... просто проверяю. Он нормально отбыл?

– *ВЫПУСТИЛИ ДЕСЯТЬ МИНУТ НАЗАД. А ЧТО? ПРОБЛЕМЫ? НЕ ПРИБЫЛ?*

– Нет-нет, никаких проблем. Все нормально. А, вот он, вижу. Хороший пес. *Отличный пес*. Все круто. Отлично вы там внизу работаете, ребята. Ладно, рад был поговорить, Дагон. Увидимся...

Он выключил радио.

Они посмотрели друг на друга. В доме раздался выстрел, и одно из окон разлетелось вдребезги.

– Какая досада, – проворчал Азирафель, воздерживаясь от более крепких выражений с легкостью, которая достигается только после шести тысяч лет воздержания от более крепких выражений и становится второй натурой. – Видимо, один не заметил.

– А пса нет, – сказал Кроули.

– Пса нет, – подтвердил Азирафель.

Демон тяжело вздохнул.

– Садись в машину, – сказал он. – Это надо обсудить. Нет, погоди-ка...

– Что?

– Счисти сначала крем.

* * *

Безмолвная августовская жара нависла не только над Лондоном. Вдали от него, вдоль дороги в Тэдфилд, пыль тяжело садилась на заросли высоких лопухов. Над живыми изгородями жужжали пчелы. Воздух пах так, словно вчера его забыли убрать в холодильник, а с утра подогрели в той же сковородке.

Над пустынной дорогой разнесся странный звук – словно тысяча железных глоток одновременно собирались рявкнуть «Ура!», но вдруг заткнулись.

На дороге стояла черная собака.

Это точно была собака. Во всяком случае, с виду. Если смотреть издали.

Есть собаки, которые с первого взгляда напоминают вам, что, несмотря на тысячи лет искусственного отбора, любой пес отошел от волка не дальше, чем на две кормежки. Он надви-

гается на вас неторопливо и целенаправленно – зов предков во плоти, клыки желты, из пасти смердит, а хозяин жизнерадостно кричит с безопасного расстояния, что «он душка, просто отгоните его, если будет надоедать», и сквозь зелень его глаз мерцает алый огонь костров плейстоцена...

Но при виде этого пса даже такие собаки бесстыдно забились бы под диван и притворились, что в данный момент в этом мире их не интересует ничего, кроме резиновой косточки.

Он уже рычал, и в этом рыке слышалась свернутая тугой пружиной угроза. Такой рык рождается глубоко в горле, а выбравшись наружу, не теряет даром ни секунды и умирает в первой попавшейся по соседству глотке.

С челюстей пса капала слюна и с шипением падала на асфальт.

Пес шагнул вперед и понюхал недвижный воздух.

Его уши встали торчком.

Он услышал вдали голоса. *Голос*. Голос мальчишки. Однако этот пес был создан именно для того, чтобы повиноваться ему, он *не мог* ему не повиноваться. Если этот голос скажет: «Рядом!» – он пойдет рядом; если скажет «Убей!» – убьет. Голос Его Хозяина.

Пес склонил голову набок, словно сидел перед фонографом на эмблеме фирмы грамзаписи His Master's Voice. Потом он перепрыгнул через изгородь и неторопливо потрусил по полю мимо пасшегося там быка. Бык насупился, взгляделся в пса, взвесил шансы и торопливо отошел на дальний конец пастбища.

Голоса слышались из неопрятной рощицы поодаль. Черный Пес оскалился и подкрался поближе.

Один голос сказал:

– Да нипочем не подарит. Ты всю дорогу говоришь, что подарит, и ничего. Вот пусть тебе папа кого-нибудь подарит. Кого-нибудь интересного. А то ведь будут какие ни то жуки жалючие. Вот тебе интересное – так твой папа думает.

На морде пса появилось выражение, которое с собачьего переводится как «недоуменная ухмылка», но он тут же потерял интерес к этим словам, потому что заговорил Хозяин, Центр Его Вселенной:

– Собаку, вот кого.

– Как же. Ты нипочем не знаешь, что это собака. Никто не говорил, что это собака. А почему ты знаешь, что это собака, если никто не говорил? Папа твой будет ворчать, что он только и делает, что жрет.

– Кусты. Боярышник, к примеру.

Если судить по голосу, обладатель третьего голоса был гораздо аккуратнее, чем первые два. Такой голос мог принадлежать человеку, который, занявшись сборкой пластиковой модели, не только тщательно подсчитывает все детали, прежде чем начать, но и в соответствии с инструкцией покрасит все части, подлежащие покраске, и оставит их сохнуть на точно оговоренное время. Короче говоря, в этом голосе проявлялись все качества, необходимые для успешной карьеры бухгалтера высшей квалификации.

– Не едят они боярышник, Уэнсли. Ты что, видел когда-нибудь, чтобы собаки жрали кусты?

– Я жуков имею в виду. Они, кстати, интересные. Они съедают друг друга, когда спариваются.

Наступила напряженная, полная работы мысли тишина. Пес подполз поближе и понял, что голоса доносятся из большой ямы.

Дело в том, что деревья скрывали старый меловой карьер, который уже наполовину зарос вьюном и терновником – старый, но явно не заброшенный. Повсюду его пересекали тропинки; на гладких склонах виднелись следы, свидетельствующие о регулярных тренировках скейтбордистов и велосипедистов на Стене Смерти, или, по крайней мере, Стене Серьезно Поврежден-

ных Коленок. С нависших над карьером ветвей, тех, до которых можно было добраться, свисали куски изрядно потрепанных веревок. Там и здесь среди листвы виднелись укрепления из железных листов и старых досок. Из зарослей крапивы торчал выгоревший и проржавевший кузов монументального «Триумф-геральда».

Куча помятых колес и скрученной проволоки в дальнем углу карьера была знаменитым Затерянным Кладбищем, куда приезжали умирать тележки из супермаркета.

Если вы ребенок, это место – рай. Взрослое местное население называло его Ямой.

Пес выглянул из-за куста крапивы, и увидел четыре маленькие фигуры, которые сидели посреди карьера на трибуне из неперемного атрибута всех потайных убежищ и секретных штабов: обычных ящиках из-под молочных бутылок.

– Да врешь!

– Не вру.

– Спорим, врешь, – сказал первый из говоривших. Точнее, первая, поскольку некоторые нотки ее голоса позволяли предположить, что это юное существо женского пола. Другие нотки свидетельствовали, что услышанное привело ее в ужас и вызвало крайний интерес.

– Они точно едят друг друга. У меня их было шесть, а потом мы уехали на каникулы и я забыл сменить у них боярышник, а когда мы приехали, у меня остался один. Большой и толстый.

– Да ну. Это, наверное, пауки. Я по телику видел, как паучиха, когда спарится, сразу сжирает мужа. А может, богомолы.

Еще одна полная задумчивости пауза.

– А о чем они молятся? – слышался голос Хозяина.

– Кто ж их знает. Наверное, чтоб не жениться.

Пес ухитрился подобраться еще ближе, нашел в покосившемся заборе дыру от вывалившегося сучка и заглянул в нее одним глазом.

– Это как с великом, – авторитетно заявил первый голос. – Хочешь получить велик с семью скоростями, с узким седлом, фиолетовый, все такое – а тебе дарят голубенький. С корзинкой. *Девчачий* велик.

– Ну, ты же девчонка, – сказал другой.

– Это *дискриминация* просто, вот что. Когда дарят девчачьи подарки только потому, что ты девчонка.

– А у меня будет собака, – твердо заявил Хозяин.

Хозяин сидел спиной, и пес не мог разглядеть его лица.

– Ага, такой большущий *роттенвейлер*, что ли? – с уничтожающим сарказмом спросила девочка.

– Нет, это будет собака, с которой можно поиграть, – сказал Хозяин. – Не большая собака...

(...глаз в зарослях крапивы стремительно рванулся к земле...)

– ...а щенок, но очень умный, и чтоб мог залезть в кроличью нору, и чтоб одно ухо у него всегда заворачивалось как наизнанку. И настоящая дворняжка, вот. *Породистая* дворняжка.

Четверо в карьере не слышали негромкое «бум!» на краю карьера. Такое «бум!» может получиться, скажем, когда воздух внезапно заполняет вакуум, образовавшийся в результате превращения очень большой собаки в не очень большую.

А совсем тихое «щелк!» сразу за «бум!» вполне могло быть вызвано тем, что одно ухо у нее вывернулось наизнанку.

– А назову я его... – сказал голос Хозяина, – я назову его...

– Ну? – спросила девочка. – И как же ты его назовешь?

Пес неподвижно замер. Настал тот самый момент. Момент Наречения. Сейчас он получит цель в жизни, узнает свое назначение, станет самим собой. Его глаза – значительно ниже над землей – засветились тусклым красным огнем, и слюна закапала на крапиву.

– Я назову его Бобик, – решительно сказал Хозяин. – С таким именем – никаких проблем.

Адский пес застыл. В глубине своего дьявольского собачьего сознания он понимал, что что-то здесь не так, но не мог послушаться, и внезапно проснувшаяся огромная любовь к Хозяину преодолела все дурные предчувствия. В конце концов, кто решает, какого ему быть роста?

И он поскакал вниз по склону навстречу своей судьбе.

И странное дело – ему и раньше хотелось бросаться на людей, но теперь он вдруг понял, что, вопреки всем ожиданиям, ему хочется при этом вилять хвостом.

* * *

– Ты же говорил, что это он! – простонал Азирафель, рассеянно подбирая пальцем остатки крема с лацкана. Он облизал палец.

– Это был он, – сказал Кроули. – То есть, я-то знаю, правда ведь?

– Значит, вмешался кто-то другой.

– Кто другой? Кроме нас, больше никого нет, так? Добро и Зло. Или одно, или другое.

Кроули ударил кулаком по рулю.

– Ты даже представить не можешь, что с тобой могут сотворить там, внизу, – сказал он.

– У меня сильное подозрение, что это не сильно отличается от того, что могут сотворить там, наверху, – заметил Азирафель.

– Да брось. Все ваши непостижимо милосердны, – ядовито сказал Кроули.

– Неужели? В Гоморре бывать не приходилось?

– Приходилось. Там была одна таверна, где подавали отменные коктейли из перебродивших фиников, с мускатным орехом и толченым лимонником...

– Нет, потом.

– А-а...

– Видимо, что-то случилось в больнице, – сказал Азирафель.

– Ничего там не могло случиться! Там было полно наших людей!

– Чьих людей? – холодно спросил Азирафель.

– Моих людей, – поправился Кроули. – Хорошо, не моих людей. Ну, ты сам знаешь. Сатанистов.

Он попытался сказать это слово, как бы оправдываясь. Оба признавали, что мир был замечательно интересным местом, получать удовольствие от которого оба они собирались как можно дольше, но в остальном было не так уж много вопросов, по которым их мнение совпадало. Однако они полностью соглашались друг с другом в том, что касалось людей, по той или иной причине желающих поклоняться Князю Тьмы. Кроули всегда становилось за них неудобно. Не то чтобы они заслуживали грубого обхождения, но смотрел он на них примерно так же, как смотрит ветеран вьетнамской войны на соседа, явившегося на собрание «Народной дружины для поддержания порядка» в полной боевой выкладке.

К тому же их энтузиазм нагонял тоску. Демоны по большей части не могли взять в толк, зачем нужна вся эта возня с перевернутыми распятиями, пентаграммами и петухами. Все это не нужно. Все, что нужно, чтобы стать сатанистом, – это усилие воли. Ты можешь быть одним из них всю жизнь и не догадываться о том, что такое пентаграмма, а с убиенными представителями семейства куриных сталкиваться только во фрикасе по-наваррски.

Кроме того, многие сатанисты старого толка на самом деле были вполне приятными людьми. Как было заведено, они собирались вместе и произносили речи точно так же, как те, кого они считали своими оппонентами, а потом отправлялись домой и всю неделю жили себе

тихой, непритязательной жизнью и у них в головах даже не появлялось особенно несправедных мыслей.

Что же до остальных...

Были люди, называвшие себя сатанистами, от которых Кроули просто корчило. И дело не в том, что они делали, а в том, что они винили в этом Ад. Стоило им забрать в голову очередную тошнотворную идею, какую ни один демон не придумал бы за тысячу лет, какую-нибудь безумную и мрачную гадость, способную появиться только в полноценном человеческом мозгу, и заорать: «Дьявол заставил меня сделать это!» – как тут же симпатии присяжных были на их стороне. При этом Дьявол вряд ли кого-нибудь когда-нибудь заставлял. Нужды не было. Вот чего некоторые никак не могли взять в толк. Ад – не трясина зла, точно так же, как и Рай, по мнению Кроули, – не водопад добра: это просто имена игроков в великой космической шахматной партии. А вот настоящее, неподдельное, неповторимое добро – равно как и кровавое, кошмарное, катастрофическое зло – можно найти только в глубинах человеческого сознания.

– А-а, – протянул Азирафель. – Сатанисты.

– Ну и что же они могли напутать? – сказал Кроули. – То есть берем двух младенцев. Не так уж трудно их... – Он вдруг замолчал. Из туманных глубин его памяти выплыл образ монашки, которая тогда, в больнице, произвела на него впечатление на редкость безмозглой особы даже для сатанистки. И там был еще кто-то. Кроули смутно вспомнил мужчину с трубкой и в куртке покроя, вышедшего из моды в 1938 году. По всему его виду было понятно, что он готовится стать отцом.

Значит, должен был быть и третий ребенок.

Кроули сказал об этом Азирафелю.

– Почти не за что уцепиться, – заметил ангел.

– Мы знаем, что ребенок должен быть жив, – сказал Кроули, – так что...

– Откуда мы это знаем?

– Ты думаешь, если бы он вернулся Туда, Вниз, я бы все еще сидел здесь?

– И верно.

– Значит, нам всего-то нужно его найти, – заявил Кроули. – Для начала просмотрим больничные записи.

Мотор «Бентли», кашлянув, завелся, и машина рванулась вперед, втиснув Азирафеля в сиденье.

– А потом? – спросил Азирафель.

– А потом мы найдем ребенка.

– А *потом* что? – Машина резко свернула за угол, и ангел крепко зажмурился.

– Не знаю.

– Следи за дорогой!

– Думаю – *уйди с дороги, урод!* – ваши вряд ли согласятся – *вместе с самокатом!* – предоставить мне убежище?

– Я как раз собирался спросить тебя о том же – *Осторожно, пешеход!*

– Вышел на дорогу – знаешь, чем рискуешь! – заявил Кроули, и «Бентли» протиснулся между припаркованной на обочине машиной и притормозившим такси так, что между ними не влезла бы и самая тонкая из кредитных карточек.

– Следи за дорогой! За дорогой следи! А где эта больница?

– Где-то к югу от Оксфорда!

Азирафель уцепился за ручку на двери.

– Сто пятьдесят километров! Так нельзя ездить в центре Лондона!

Кроули, прищурившись, глянул на спидометр.

– Почему? – спросил он.

– Мы разобьемся! Насмерть! – Азирафель подумал и неуверенно поправился: – Развоплотимся. Что вызовет определенные неудобства, – добавил он и немного расслабился. – Ну и потом, ты можешь кого-нибудь задавить.

Кроули пожал плечами. Ангелу так и не удалось полностью вжиться в двадцатое столетие, и он не понимал, что по Оксфорд-стрит вполне можно передвигаться со скоростью сто пятьдесят километров в час. Просто надо устроить так, чтобы никто не лез под колеса. А тогда – поскольку все знали, что по Оксфорд-стрит невозможно ехать с такой скоростью – никто этого и не замечал.

Уж лучше машины, чем лошади. Изобретение двигателя внутреннего сгорания было для Кроули Божьим да... благослове... подарком судьбы, вот. В старые времена, отправляясь по делам, он ездил только на огромных конях черной масти, глаза которых сверкали, освещая путь, а из-под копыт летели искры. Этого требовал этикет. А Кроули обычно с них падал, поскольку никогда не умел обращаться с животными.

Где-то возле Чизуика Азирафель принялся рыться в россыпях кассет в бардачке.

– Что такое «Velvet Underground»? – спросил он.

– Тебе не понравится, – ответил Кроули.

– А, – великодушно кивнул ангел. – Бибоп.

– Слушай, Азирафель, а ты знаешь, что, если бы вдруг у миллиона людей спросили, каким словом они назовут современную музыку, ни один из них не употребил бы термин «бибоп»? – связвил Кроули.

– А, вот это уже лучше. Чайковский, – сказал Азирафель, вытащил кассету и вставил ее в магнитоу.

– Вряд ли, – вздохнул Кроули. – Она провалялась в машине больше двух недель.

Тяжелый ритм бас-барабана поплыл через салон «Бентли», как раз когда они миновали Хитроу.

Азирафель нахмурился.

– Не узнаю, – признался он. – Что это за вещь?

– Это «День на скачках» Чайковского, – сказал Кроули и закрыл глаза. Они проезжали Слау.

Чтобы скоротать время, свернув на Чилтерн, они прослушали «Мы – чемпионы» зачинателя английского мадригала Уильяма Берда и «Шоу должно продолжаться» Бетховена. Однако ни то ни другое не могло сравниться с «Радио Га-Га» Вогана Уильямса.

* * *

Говорят, все лучшие мелодии принадлежат Дьяволу.

В общем, это правда. Зато все лучшие балетмейстеры – на небесах.

* * *

Равнина между Лондоном и Оксфордом уходила далеко на запад, и редкие огоньки, тут и там видневшиеся на ней, говорили о том, что вот сейчас честные селяне укладываются спать после долгого дня, полного забот, редакционных совещаний, консультаций по финансовым вопросам и разработки программного обеспечения.

На вершине холма зажглось несколько огоньков.

Теодолит – один из самых ужасных символов двадцатого века. Тренога со зрительной трубкой сверху, установленная в чистом поле, означает только одно: грядут работы по Расширению Трассы (единогласно) и Разметке Участков Под Жилищное Строительство на две

тысячи домов в полном соответствии с Духом Деревенской Жизни. С духом подготовки руководящих кадров, точнее.

Однако даже самые трудолюбивые геодезисты не работают по ночам, а тут именно посреди ночи тренога прочно стояла на торфянистом пригорке. Далеко не все теодолиты, правда, украшены резьбой с кельтскими рунами и увенчиваются ореховым прутом, привязанным сверху. И не со всех свисают хрустальные маятники.

Ветерок пытался трепать плащ на стройной фигурке девушки, которая как раз подкручивала колесики на треноге, однако это был хороший, тяжелый плащ, благоразумно непромокаемый и на теплой подкладке.

В большинстве книг о ведьмовстве написано, что ведьмы работают нагишом. Это потому, что большинство книг о ведьмовстве написали мужчины.

Девушку звали Анафема Деталь. Она не была сногшибательной красавицей. Если рассматривать черты ее лица по отдельности, они были весьма милостивы, но в целом ее лицо производило впечатление наспех собранного из наличных частей без какого-либо определенного плана. Возможно, к ней лучше всего подходило слово «очаровательная», хотя люди, которые знают, что означает это слово и могут написать его без ошибки, добавили бы еще «крошка»; с другой стороны, слово «крошка» звучит в духе чуть ли не пятидесятих годов прошлого века, поэтому они, возможно, не стали бы его добавлять.

Молодым девушкам не стоит гулять в одиночку темной ночью даже в окрестностях Оксфорда. Однако любой маньяк, жаждущий жертвы и попытавшийся обработать Анафему Деталь, обнаружил бы, что лишился не только сознания. Она ведь все-таки была ведьма. И, именно будучи ведьмой и, следовательно, девушкой разумной, она мало доверяла защитным амулетам и заклинаниям, а больше – длинному и тонкому ножу для резки хлеба, который носила за поясом.

Она заглянула в теодолит и еще немного подкрутила колесико.

Она что-то пробормотала.

Геодезисты часто что-то бормочут – например, «В два счета построим здесь объезд» или «На три семьдесят пять метра, плюс-минус два пальца».

Ничего подобного здесь не бормотали.

– Ночь темна... Светла Луна, – бормотала Анафема, – Юг на восток... На запад и юго-запад... запад-юго-запад... есть, поймала...

Она достала аккуратно сложенную топографическую карту и посветила фонариком. Потом она вынула прозрачную линейку и карандаш и провела на карте аккуратную прямую до пересечения с другой прямой.

Она улыбнулась не потому, что в этом было что-то смешное, но потому, что сложная работа была выполнена с блеском.

Затем она сложила свой странный теодолит, привязала его к раме черного старомодного велосипеда с высоким рулем, прислоненного к кусту, убедилась, что Книга уложена в корзинку на руле, и вывела нагруженный велосипед на тропинку, теряющуюся в тумане.

Велосипед был настоящей древностью: рама его, похоже, была сделана из водопроводных труб. Его соорудили задолго до изобретения трехступенчатой передачи и, возможно, сразу после изобретения колеса.

Анафема уселась поудобнее, и двухколесное чудовище, набирая скорость, загромыhalo под горку, направляясь обратно в деревню. Теплый ветер трепал волосы Анафемы, и ее плащ раздувался сзади, словно тормозной парашют. Хорошо еще, что так поздно ночью на дороге не было машин.

* * *

Мотор «Бентли» остывал, тихо потрескивая. Кроули, напротив, медленно закипал.

– Ты сказал, что видел указатель, – процедил он.

– Мы слишком быстро пролетели его. И вообще я думал, что ты там уже был.

– Одиннадцать лет назад!

Кроули швырнул карту на заднее сиденье и снова завел мотор.

– Давай спросим, как туда проехать, – предложил Азирафель.

– Ну, конечно, – отозвался Кроули. – Просто остановимся и спросим у первого же прохожего, который попадется нам на этом... на этой *просеке* далеко за полночь, да?

Он переключил скорость и направил «Бентли» на дорожку между буками.

– Что-то здесь не то, в этом месте, – сказал Азирафель. – Ничего не чувствуешь?

– Что именно?

– Притормози на минуту.

«Бентли» притормозил.

– Странно, – пробормотал ангел. – Явно чувствуется...

Он поднял руки к вискам.

– Чувствуется что? – спросил Кроули.

Азирафель уставился на него.

– Любовь, – сказал он. – Кто-то очень любит это место.

– Прошу прощения?

– Здесь чувствуется очень большая любовь. Не могу объяснить лучше. Тебе особенно.

– Ты имеешь в виду... – начал Кроули.

Послышался удар, крик и лязг. «Бентли» остановился.

Азирафель зажмурился, опустил руки и осторожно открыл дверь.

– Ты на кого-то налетел, – сказал он.

– Нет, не я, – отозвался Кроули. – Это на меня кто-то налетел.

Они вышли из машины. Позади «Бентли» на дороге лежал велосипед, переднее колесо которого превратилось в неплохое подобие ленты Мебиуса, а заднее все еще зловеще крутилось.

– Да будет свет, – сказал Азирафель. Бледное голубое свечение повисло меж буками.

Из канавы за их спинами донесся голос:

– Как, черт побери, вы это сделали?

Свечение исчезло.

– Что сделали? – виновато спросил Азирафель.

– Ох, – теперь в голосе явно слышалось замешательство. – Наверное, я стукнулась головой.

Кроули взглянул на длинную свежую царапину на блестящем боку «Бентли» и на вмятину в бампере. Вмятина выправилась сама собой. Царапина затянулась.

– Поднимайтесь, юная леди, – ангел выудил Анафему из зарослей папоротника. – Переломов нет.

Это было утверждение, а не предположение: небольшой перелом все-таки был, но Азирафель не мог устоять перед возможностью сотворить добро.

– Вы ехали без фар, – начала Анафема.

– Вы тоже, – извиняющимся тоном заметил Кроули. – Все по-честному.

– Астрономией интересуетесь? – спросил Азирафель, поднимая велосипед.

Что-то посыпалось из корзинки. Ангел указал на потрепанный теодолит.

– Нет, – сказала Анафема. – То есть да. Смотрите, что вы сделали с бедным старым Фэзтоном.

– Извините? – не понял Азирафель.

– С моим велосипедом. Его весь...

– Старые механизмы на редкость прочны, – радостно возразил ангел, подтягивая велосипед поближе. Переднее колесо блестело в лунном свете, напоминая своей идеальной формой один из Кругов Ада.

Она уставилась на него.

– Ну, раз мы все уладили, – быстро сказал Кроули, – нам, пожалуй, пора ехать в... да. Вы случайно не знаете, как проехать в Нижний Тэдфилд?

Анафема разглядывала велосипед. Она была почти уверена, что, выезжая из дома, не видела укрепленной на раме сумки с инструментами.

– Сразу за холмом, – сказала она. – Это точно мой велосипед?

– Разумеется, – сказал Азирафель, начиная подозревать, что немного переусердствовал.

– Но у Фэзтона точно не было насоса.

На лице ангела снова появилось виноватое выражение.

– Но вот же для него место, – беспомощно сказал он. – Два крючочка.

– Сразу за холмом, вы сказали? – Кроули толкнул его в бок.

– Наверное, я все-таки стукнулась головой, – сказала девушка.

– Мы бы, конечно, вас подвезли, – быстро среагировал Кроули, – но велосипед не влезет в машину.

– Его можно положить наверх, на багажник, – сказал Азирафель.

– На «Бентли» нет... а! Хмм...

Ангел наспех побросал содержимое велосипедной корзинки на заднее сиденье и туда же усадил с трудом приходящую в себя Анафему.

– И не оставишь в беде нуждающегося, – сказал он Кроули.

– Кто не оставит? Я не оставлю? У нас полно *других дел!* – Кроули злобно посмотрел на новый багажник на крыше «Бентли». Ко всему прочему, на нем были клетчатые, под шотландку, ремни.

Велосипед взмыл в воздух и прочно привязался к багажнику. Кроули сел за руль.

– Где вы живете, милочка? – любезно спросил Азирафель.

– И фар у моего велосипеда тоже не было. То есть они были, но в них надо вставлять по две батарейки, знаете, а они потекли, и я их сняла, – сказала Анафема. Потом она свирепо посмотрела на Кроули. – Кстати, у меня есть нож, – заявила она. – Должен быть...

Судя по выражению лица Азирафеля, он был потрясен несправедливостью подобного предположения.

– Мадам, уверяю вас...

Кроули включил фары. Ему они были не нужны, но на дорогах встречаются и люди, а им спокойнее, когда фары у машины зажжены. Потом он переключил скорость и медленно двинулся под гору. Дорога вынырнула из-под деревьев и примерно через полмили они оказались на окраине аккуратной деревушки.

В ней определенно было что-то знакомое. Хотя прошло одиннадцать лет, но тем не менее...

– Здесь нет поблизости больницы? – спросил Кроули. – При монастыре?

Анафема пожала плечами.

– Вроде бы нет, – отозвалась она. – Здесь единственный большой дом – поместье Тэдфилд. Не знаю, что там теперь.

– Божий промысел, – тихо пробормотал Кроули.

– А тормоза? – вдруг сказала Анафема. – У моего велосипеда не было тормозов. Я точно знаю, что у моего велосипеда не было тормозов.

Кроули наклонился к ангелу.

– Боже, исцели велосипед, – саркастически прошептал он.

– Извини, увлекся, – прошипел Азирафель в ответ.

– С шотландкой тоже?

– Шотландка – это стильно.

Кроули тихо зарычал. Если ангелу и удавалось настроиться на двадцатое столетие, он никогда не заходил дальше пятидесятых.

– Высадите меня здесь, – послышался сзади голос Анафемы.

– Пожалуйста, – радостно повернулся к ней ангел.

Как только «Бентли» остановился, он выскочил из машины, открыл заднюю дверь и склонился в поклоне, словно пожилой чернокожий слуга, приветствующий юного хозяина, вернувшегося на плантацию.

Анафема собрала свои вещи и вышла из машины, стараясь выглядеть как можно надменнее.

Она была абсолютно уверена, что ни один из мужчин не прикасался к багажнику, но велосипед уже стоял у калитки.

В них определенно было что-то очень странное, решила она.

Азирафель снова поклонился.

– Рады были вам помочь, – сказал он.

– Благодарю вас, – ледяным тоном проговорила Анафема.

– Мы уже можем ехать? – осведомился Кроули. – Спокойной ночи, мисс. Ангел, в машину.

Ну что ж, это многое объясняет. Значит, она все-таки была в полной безопасности.

Она посмотрела вслед «Бентли», уехавшему в направлении центральной площади, и повела велосипед по тропинке к коттеджу. Дверь была не заперта. Анафема точно знала, что Агнесса упомянула бы о том, что ее собираются ограбить, она всегда была очень скрупулезна в таких мелочах.

Анафема снимала дом с мебелью. Это означало, что мебель была того особого сорта, который встречается только в таких случаях просто потому, что ею побрезговали сборщики добровольных пожертвований в пользу неимущих. Но это не имело значения. Она не собиралась задерживаться здесь надолго.

Если Агнесса была права, она вообще нигде надолго не задержится. Как и все остальные.

Анафема положила свои вещи на древний стол под единственной лампочкой без абажура, свисавшей с потолка в кухне.

Ну и что ей удалось узнать? Она пришла к выводу, что почти ничего.

По всей вероятности, ЭТО было на северном краю деревни, но она и так это подозревала. Если подходить слишком близко, засветка от сигнала слишком сильная, если отходить дальше, невозможно снять точные показания.

От этого можно было прийти в ярость. Ответ должен быть где-то в книге. Однако для того, чтобы понять Предсказания, нужно было думать так же, как думала полубезумная ведьма с невероятно высоким коэффициентом умственного развития, которая жила в семнадцатом веке. Ко всему прочему, для того чтобы разобраться в ее манере выражения, нужен был словарь для решения кроссвордов. Прочие члены ее семейства считали, что Агнесса намеренно затемняла смысл своих высказываний, чтобы чужаки не смогли их понять; Анафема же, полагавшая, что иногда она способна мыслить, как Агнесса, лично для себя решила, что Агнесса была просто врединой с отвратительным чувством юмора.

У нее даже не было...

Где Книга?

Анафема в ужасе смотрела на стол. Карта. Самодельный теодолит. Термос с горячим бульоном. Фонарик.

Пустой квадрат, где должна была лежать Книга Пророчеств.

Она ее потеряла.

Да не может этого быть! Агнесса была невероятно щепетильной во всем, что касалось судьбы ее книги.

Анафема схватила фонарь и выбежала из дома.

* * *

– Такое ощущение, как... в точности такое же ощущение, когда говорят «такая жуть, что мороз по коже продирает» – только наоборот, – сказал Азирафель. – Вот так примерно.

– Я никогда так не говорю, – заметил Кроули. – Лично я за жуть обеими руками.

– *Светлое* чувство, – еще раз попытался объяснить Азирафель.

– Нет, ничего не ощущаю, – притворно веселым голосом заявил Кроули. – Ты просто чрезмерно чувствителен.

– Это моя работа, – сказал Азирафель. – Ангелы не могут быть чрезмерно чувствительны.

– Скорее всего, тем, кто здесь живет, просто нравится здесь жить. А ты перехватываешь это ощущение.

– Никогда не перехватывал ничего подобного в Лондоне, – сказал Азирафель.

– Именно. Это доказывает, что я прав, – отозвался Кроули. – А вот то самое место. Я помню львов перед воротами.

Фары «Бентли» выхватили из темноты двух каменных львов и заросли рододендронов вдоль аллеи. Под шинами заскрипел гравий.

– Мне кажется, еще слишком рано наносить визит монахиням, – с сомнением в голосе сказал Азирафель.

– Ерунда. Монахини чуть свет на ногах, – возразил Кроули. – Что там у них по распорядку – утренняя? Или я путаю, и это какая-то посуда?

– Фи, как грубо, – сказал ангел. – Не надо так шутить.

– Да ладно тебе. Я же говорю, они из наших. Черные монашки. Нам нужна была больница по соседству с военной базой, вот и все.

– Не понял.

– Ты что думаешь – жены американских дипломатов всегда рожают у черта на рогах, в маленьких больницах при монастыре? Все должно выглядеть естественно. В Нижнем Тэдфилде есть военная база, она поехала туда на открытие, тут все и началось. Военный госпиталь не готов ее принять, и тут подворачивается наш человек и очень кстати говорит: «Есть тут одно местечко неподалеку» – и все дела. На мой взгляд, неплохо сработано.

– Если не считать пары мелких деталей, – вставил Азирафель.

– Так ведь почти получилось, – возмутился Кроули, почувствовав, что должен вступить за честь фирмы.

– Видишь ли, в зле всегда заложены ростки его поражения, – сказал ангел. – Сама его природа – отрицание, и именно поэтому включает в себя уничтожение даже в минуты кажущейся победы. И не имеет значения, насколько его план грандиозен, отлично спланирован, защищен от ошибок – по определению, свойственная злу греховность обрушится на самих злоумышленников. И не имеет значения, насколько они преуспеют в делах своих, ибо в конце

сами они призовут гибель на головы свои. И замыслы их разобьются о скалы несправедности, и низринутся они в пучину забвения, и исчезнут бесследно.

Кроули задумался.

– Да нет, – сказал он наконец. – Готов поспорить, кто-то просто сваял дурака. Ого!

Он тихонько присвистнул.

Усыпанная гравием площадка перед входом была сплошь заставлена машинами. И они не походили на машины монашек. «Бентли» был посрамлен начисто. Многие из этих машин могли похвастаться гордым «турбо» или «гранд» в названии и телефонными антеннами на крыше. И почти всем было меньше года от роду.

У Кроули зачесались руки. Азирафель исцелял велосипеды и сращивал кости; а он *жажд* дал стащить пару-другую магнитол, спустить пару-другую шин и прочее в том же духе. Но он устоял перед соблазном.

– Ну и ну, – сказал он. – Помнится, раньше машиной для монашек был «Моррис-мини». Как раз вмещалось четыре штуки.

– Не может этого быть, – сказал Азирафель.

– Может, они приватизировали монастырь? – предположил Кроули.

– Или ты приехал не в то место.

– Это то место, я точно говорю. Пошли.

Они вышли из машины. Через тридцать секунд кто-то пристрелил их обоих. Со снайперской меткостью.

* * *

Лучше всего Мэри Ходжес, в прошлом Говорлива, умела подчиняться приказам. Она обожала приказы и любила подчиняться им. Когда подчиняешься приказам, жить намного проще.

А вот перемен она терпеть не могла. Ей так нравился Болтливый Орден. Она первый раз в жизни завела друзей. У нее первый раз в жизни была собственная комната. Конечно, она знала, что орден замешан в делах, которые с определенной точки зрения могли считаться дурными, но за тридцать лет своей жизни Мэри Ходжес видела вполне достаточно и не питала иллюзий о том, чем занимается большинство людей, чтобы скоротать время, неделю за неделей. К тому же кормили здесь хорошо, и ее окружали интересные люди.

После пожара их орден, или то, что от него осталось, переехал. Выполнив свое единственное предназначение, монашки разошлись кто куда.

А она не уехала. Ей нравился этот дом. И, по ее словам, кто-то должен был остаться и проследить за ремонтом, потому что нельзя в наши дни доверять рабочим, пока не стоишь у них над душой, если можно так выразиться. Это означало, что ей придется нарушить обет, но мать-настоятельница сказала, что здесь нет особой беды, это в правилах черной общины – нарушать обеты, и так оно и останется до конца дней, то есть еще одиннадцать лет, так что раз уж ей так хочется, пусть она принимает дела, вот адрес, куда пересылать письма, если, конечно, они не в официальных желтых конвертах.

А потом с ней произошла странная вещь. Когда она осталась одна в полуразрушенном доме в одной из комнат, не затронутых пожаром, и день за днем спорила с мужчинами, которые носили за ухом карандаши и сигареты, уже не пытались отряхнуть побелку со штанов и считали на калькуляторах, показывавших другую сумму, если расплачивались наличными, она открыла в себе нечто, о существовании чего даже и не подозревала.

Под налетом глупости и готовности услужить она открыла в себе Мэри Ходжес.

Она обнаружила, что нет ничего сложного в толковании выкладок строителей и вычисления НДС. Затем, прочитав несколько книг из библиотеки, она обнаружила, что финансы –

область деятельности как интересная, так и не слишком сложная. Она перестала читать женские журналы про любовь и вязание и взялась за другие женские журналы, про виды оргазма. Однако, взяв себе на заметку, что, пожалуй, надо будет заняться оргазмом, как только представится такая возможность, она все же решила, что это – те же любовь и вязание, только в более продвинутой форме. И тогда она взялась за журналы, где обсуждались вопросы слияния корпораций.

Тщательно все продумав, она купила в Нортоне небольшой домашний компьютер, чем немало позабавила молодого и снисходительного продавца. После бурно проведенных выходных она отвезла его обратно. Не потому, что в коробку забыли положить переходник для сетевого кабеля, как было подумал продавец, когда она вошла в магазин, а потому что в компьютере не было 387-го сопроцессора. Это он еще понял – в конце концов, он ведь все же был продавцом и понимал некоторые длинные слова – но после этого разговор, с его точки зрения, приобрел удручающий характер. Мэри Ходжес выложила перед ним журналы еще одного сорта, с буквами «ПК» в названиях, и продемонстрировала множество статей и обзоров с аккуратными пометками красной ручкой.

Она начала читать про новых женщин. Она никогда не осознавала себя старой женщиной, но по некотором размышлении пришла к выводу, что подобного рода ярлыки – все те же любовь и вязание, а на самом деле надо просто стараться быть собой. Причем изо всех сил. Ей всегда нравилось одеваться в черное с белым. Оставалось сделать подол покороче, каблук подлиннее и снять монашеский платок.

И в один прекрасный день, когда она листала очередной журнал, ей на глаза попала статья об огромном и, видимо, неудовлетворенном спросе на просторные здания с обширными прилегающими участками, которые принадлежат людям, понимающим, что именно нужно деловому сообществу. На следующий день она поехала и заказала канцелярские товары с логотипом «Центр тимбилдинга “Усадьба Тэдфилд”», рассудив, что к тому времени, когда они будут готовы, она будет знать все, что необходимо для того, чтобы управлять этим центром.

А на следующей неделе вышла реклама.

Ее начинание оказалось потрясающе успешным, поскольку еще в самом начале Собственной Карьеры Мэри Ходжес поняла, что термин «подготовка менеджеров» совсем не означает демонстрацию малопонятных слайдов в учебных классах. В наши дни серьезным компаниям нужно намного больше.

Что она им и предоставила.

* * *

Кроули, опершись спиной о постамент, тяжело опустился на землю. Азирафель уже лежал навзничь в кусте рододендронов, и по его пальто расплывалось темное пятно.

Кроули почувствовал, что его рубашка тоже намокает.

Просто смешно. Меньше всего ему сейчас хотелось попасть под пулю. Придется долго и нудно объяснять, что произошло. Новые тела так просто не выдают – всегда требуют сообщить, куда ты дел старое. Это все равно что пытаться получить новый карандаш у снабженца с особенно гнусным характером.

Не веря своим глазам, он уставился на руку.

Демоны обязаны видеть в темноте. И он видел, что его рука – желтая. Он истекал кровью. Желтой.

Он осторожно лизнул палец.

Потом он подполз к Азирафелю и потрогал его рубашку. Если это была кровь, значит, что-то чудовищное произошло с законами биологии.

– Ой, как больно, – простонал павший ангел. – Прямо под ребро.

– Похоже, что так. А кровь у тебя всегда синяя?

Азирафель открыл глаза. Он потрогал грудь. Сел. И повторил все действия, совершенные Кроули несколько секунд назад.

– Краска? – удивился он.

Кроули кивнул.

– Что это за игра? – спросил Азирафель.

– Не знаю, – сказал Кроули, – но лично мне кажется, что она называется «тупые уроды». Судя по его тону, он тоже умел играть в эту игру. И был более опытным игроком.

Да, это была игра. И что за игра! Найджел Томпкинс, заместитель начальника отдела снабжения, полз, прячась в подлеске, и в мозгу его проносились лучшие сцены из незабываемых (но не всех) фильмов с Клинтом Иствудом. А он-то считал, что тимбилдинг – тоска смертная...

Нет, одна лекция все же была, но на ней объясняли, каким оружием пользуются при игре в пейнтбол и чего именно не надо с ним делать. Томпкинс взглянул на свежие молодые лица своих конкурентов по курсам. И все они как один приняли решение сделать все, чего не надо делать, если появится хотя бы малейшая возможность, что это сойдет с им рук. Если тебе говорят, что закон бизнеса – это закон джунглей, а потом дают тебе в руки ружье, то вполне очевидно, думал Томпкинс, что от тебя не ждут, что ты будешь целиться только в грудь; смысл в том, чтобы повесить голову председателя правления у себя над камином.

Кроме того, ходили слухи, что в фирме «Ассоциация» кто-то немало способствовал собственному продвижению по служебной лестнице, анонимно обеспечив поступление соответствующего количества краски в левый орган слуха своего непосредственного начальника. Последний в результате стал жаловаться на то, что во время важных совещаний ему постоянно кто-то звонит, и в конце концов был отправлен в отставку по медицинским показаниям.

А еще рядом сидели другие слушатели – эдакие, метафорически выражаясь, сперматозоиды, и все они стремились вперед, прекрасно понимая, что в живых останется только один Председатель правления Открытого акционерного общества «Группа компаний “Корпорация «Холдинг»», и им станет, скорее всего, самый главный член. Правления, разумеется.

Разумеется, девушка из Отдела подготовки персонала рассказывала им, что курсы, на которые их отправляют, имеют целью развитие и укрепление качеств лидера, навыков работы в команде, групповой инициативы и так далее. Слушатели старались не смотреть друг на друга.

До сих пор все складывалось весьма удачно. Каное и сплав по белой воде потопили Джонстона (пробитая барабанная перепонка). Уиттакер отпал при восхождении на гору в Уэльсе (растяжение в паху).

Томпкинс вложил в ружье очередной шарик краски и принялся повторять про себя бизнес-мантры. «Во всем, как не хочешь, чтобы с тобой поступали люди, так поступай ты с ними – и раньше их». «Убей или умри». «Стреляй первым». «Выживает сильнейший». «Ты слишком много знал».

Он подполз поближе к двум темным фигурам у постаментов. Видимо, они его не замечали.

Когда подлесок кончился и прятаться было уже негде, он набрал в легкие побольше воздуха и вскочил на ноги.

– Что, сявки, не ждали? Вот ва-АААААААААА...

Вместо одной из фигур у постаментов вдруг оказалось что-то чудовищное. Он отключился. Кроули вернул себе любимое обличье.

– Ненавижу, когда приходится так делать, – пробормотал он. – Всегда боюсь, что забуду, как превратиться обратно. Да и костюм можно испортить.

– С моей точки зрения, с червями ты чуть-чуть перестарался, – сказал Азирафель, почти беззлобно.

Ангелы обязаны соблюдать определенные моральные устои, так что он, в отличие от Кроули, предпочитал покупать одежду, а не творить ее небрежным усилием воли из тверди земной. И рубашка его, кстати, была весьма дорогой.

– Ты только посмотри, – сокрушался Азирафель. – Мне никогда не вывести этих пятен.

– Сотвори чудо, – рассеянно предложил Кроули, взглядываясь в кусты в поисках очередных слишком ретивых слушателей.

– Но я-то всегда буду знать, что здесь было пятно. Ты же понимаешь. В глубине души, так сказать, – пояснил ангел. Он поднял ружье и повертел его в руках.

– Я такого никогда не видел, – сказал он.

Раздался хлопок, и у статуи, возвышавшейся на постаменте, отлетело ухо.

– Давай-ка убираться отсюда, – сказал Кроули. – Он был не один.

– Очень странное ружье. Посмотри-ка, действительно забавно.

– Мне казалось, ваши не одобряют оружия, – заметил Кроули.

Он взял ружье из пухлых ладошек ангела и поглядел сквозь короткий обрубленный ствол.

– Отнюдь, – возразил Азирафель. – Сейчас считают, что оружие придает вес словесным доводам. В хороших руках, разумеется.

– Неужели? – рука Кроули поползла к спусковому крючку. – Ладно. Пошли.

Он не без сожаления бросил ружье на грудь павшего в неравном бою Томпкинса и направился к дому прямо через сырую лужайку.

Ворота «Усадьбы Тэдфилд» не были заперты, и они беспрепятственно проникли внутрь. Там, где раньше была монастырская трапезная, теперь сидело несколько полноватых молодых людей в камуфляже, заляпанном краской, и перед ними дымились кружки с какао. Некоторые им приветственно помахали.

У входа было что-то вроде гостиничной стойки. Во всем чувствовалась спокойная, деловитая, уверенная атмосфера. Азирафель уставился на доску, стоявшую на алюминиевой треноге.

На черной ткани, которой была обтянута доска, белыми пластиковыми буквами было аккуратно выложено: *20–21 августа: Открытое акционерное общество «Группа компаний «Корпорация «Холдинг»» – Курс «Инициативы по разрешению конфликтов».*

Кроули тем временем разглядывал рекламные буклеты на стойке. На глянцевой обложке красовались фотографии «Замка», а внутри особо упоминались джакузи и крытый бассейн с подогревом. Сзади была дана традиционная для бизнес-центров карта-схема проезда, которая в результате искусного нарушения масштаба давала понять, что усадьба Тэдфилд удобно расположена в непосредственной близости ко всем крупнейшим автомагистралям страны, одновременно умалчивая о лабиринте проселочных дорог, простиравшемся на много километров вокруг нее.

– Не то место? – спросил Азирафель.

– То самое.

– Значит, не то время?

– Именно. – Кроули полистал буклет, пытаясь найти хоть какой-нибудь ключ к разгадке.

Он зашипел сквозь зубы.

Может быть, было глупо надеяться на то, что здесь все еще обитает Болтливый Орден. В конце концов, свою миссию они выполнили. Может быть, они уехали в «черную» Америку или еще куда-нибудь, чтобы обращать христиан. Но он продолжал читать. Иногда в таких буклетах была краткая историческая справка – просто потому, что компании, которые снимают такие здания на выходные для проведения курса «Интерактивный анализ кадровой политики» или семинара «Стратегическая динамика маркетинга» желают чувствовать, что занимаются стратегическим анализом в том же самом здании (плюс-минус пара капитальных ремонтов,

гражданская война и два крупных пожара), которое было построено на пожертвования некоего финансиста эпохи Елизаветы Первой в качестве чумного барака.

Не то чтобы он всерьез ожидал найти что-нибудь вроде «всего одиннадцать лет назад усадьба Тэдфилд была прибежищем сатанинского монашеского ордена, который, впрочем, провалил все дело», но мало ли...

К ним подошел пухленький человечек в наряде «камуфляж-пустыня». В руках у него был пластиковый стакан с кофе.

– Кто выиграл? – дружелюбно спросил он. – Мне, гляньте-ка, молодой Эвансон из перспективного планирования как саданет в правый локоть...

– Проиграем все, – рассеянно ответил Кроули.

В парке послышалась стрельба. Не веселое «свисть-шлеп» шариков краски, а злобное шипение кусочков свинца, которым придали обтекаемую форму и очень высокую скорость.

В ответ раздалась пулеметная очередь.

Слушатели-резервисты посмотрели друг на друга. Еще одна очередь разнесла в куски отвратительный викторианский витраж над дверью, и рядом с головой Кроули появился ряд черных круглых дырочек.

Азирафель схватил его за руку.

– Это еще что за чертовщина? – спросил он.

Кроули улыбнулся змеиной улыбкой.

* * *

Найджел Томпкинс пришел в себя и почувствовал легкую головную боль и некоторую пустоту в воспоминаниях о том, что только что произошло. Он вряд ли знал, что при встрече с чем-то слишком ужасным в сознании человека просыпается невероятная способность стереть это впечатление из памяти методом насильственной амнезии. Так что он приписал ее попаданию шарика прямо в голову.

Ему показалось, что его ружье стало немного тяжелее, но, пребывая в слегка заторможенном состоянии, он никак не мог понять почему. До тех пор, пока через несколько минут не прицелился в слушателя Норманна Уэзерда из службы внутреннего аудита и не нажал на спусковой крючок.

* * *

– Ну и что тебя возмущает? – пожал плечами Кроули. – Он *хотел* настоящее ружье. У него в голове была одна мысль – дайте мне настоящее ружье!

– Но ты же напустил его на беззащитных людей!

– Ну нет, – ответил Кроули. – Не совсем так. Все по-честному.

* * *

Боевая группа финансового планирования лежала лицом книзу в мокрой траве за развалинами сортира, но склонности к аллегориям не испытывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.